

Татьяна Славина
Черный дар

Наследник старого колдуна

Татьяна Славина

**Черный дар. Наследник
старого колдуна**

«Издательские решения»

Славина Т.

Черный дар. Наследник старого колдуна / Т. Славина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835348-2

Третья книга трилогии «Черный дар» повествует о том, как горд юный колдун своим могуществом. Он призван выполнить волю прадеда — открыть Врата Хаоса. Однако поселившаяся в его сердце любовь меняет все. Сумеет ли светлое чувство противостоять Силам Тьмы?

ISBN 978-5-44-835348-2

© Славина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	41
Глава 10	47
Глава 11	51
Глава 12	55
Глава 13	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Черный дар Наследник старого колдуна

Татьяна Славина

© Татьяна Славина, 2020

ISBN 978-5-4483-5348-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Целая стая пестрых бабочек собралась на краю небольшой лужицы. Сложив крылышки и выпустив хоботки, они сосали из влажного песка теплую воду. Напившись, – распускались, словно бутоны диковинных цветков, взмывали в воздух и, трепеща крылышками, устремлялись в разнотравье луга.

Загорелый крепкий мальчуган лет десяти пытался незаметно подобраться к лужице, чтобы поймать хотя бы одну бабочку. Однако стоило ему протянуть руку, чтобы схватить двумя пальцами сложенные крылышки, как бабочка взмывала в воздух и уносилась прочь. Потерпев неудачу несколько раз подряд, мальчуган рассердился. Он нахмурил брови, взмахнул рукой, пугая бабочек, и щелкнул пальцами. В то же мгновение каждое трепещущее крылышками крохотное существо вспыхнуло огнем и тут же упало на землю обгорелым черным комочком.

– Опять вы, господин, убежали из дома ни свет, ни заря! – безобразная старуха ковыляла по лугу к мальчугану, путаясь в траве длинной черной юбкой. – Сестры ждут утреннего благословения. Пойдемте-ка, сударь!

Корявые пальцы потянулись к мальчугану, чтобы схватить его за руку. Но тут же старуха отпрянула назад, тряся вспыхнувшими огнем рукавами.

– Сколько раз повторять тебе, старая, чтобы ты ко мне не прикасалась? – хохотал мальчуган, довольный своей проделкой.

– Но ведь утро, сударь! Сестры... – забормотала старуха, пятась назад.

– Ладно, сейчас приду, – смилостивился проказник и мысленно поддал старухе под зад.

Та качнулась, не устояла на ногах и растянулась на траве во весь рост. Молча, с опаской поглядывая на мальчугана, она поднялась сначала на четвереньки, потом на обе ноги и, приподняв повыше подол, заковыляла прочь.

Из травы высунулась перемазанная клубникой рожица крохотного чертенка.

– Здорово ты ее наладил отсюда, приятель! – подмигнул лукавый глазок.

– Надоела старая карга, – мальчуган безразлично пнул ногой обгорелые останки бабочек и пошагал вслед за старухой.

Чертенок семенил сзади, хихикая и пытаясь завести разговор. Однако мальчуган не обращал на него никакого внимания.

Под сводами огромной пещеры было сумрачно и прохладно. Мальчуган зажмурился, стараясь поскорее привыкнуть к темноте после яркого солнечного света. Маленькие босые ступни скользнули по отполированным плитам пола, оставляя за собой пыльные следы. Подножье меловой кручи, в которой находилось пещера, было устлано мельчайшей белой пылью, и Темным Сестрам приходилось постоянно заботиться о чистоте своего жилища.

В глубине пещеры на грубом каменном жертвеннике трепетало крохотное пламя свечи. Вместо подсвечника Темные Сестры использовали человеческий череп. Мальчуган помнил, как пугался он совсем недавно оскала желтых зубов, сверкания огня в пустых глазницах. Однако теперь он обращал на странный подсвечник не больше внимания, чем на паутину под потолком пещеры.

Вдоль стен застыли молчаливые женские фигуры в черных накидках. Ни одна из женщин не осмелилась поднять голову и посмотреть на мальчугана. Только давешняя старуха без слов поднесла ему каравай ржаного хлеба на черном глиняном блюде.

Из-под темного свода пещеры метнулась пара огромных воронов. Каждая из птиц уселась на плечо мальчика и нетерпеливо разинула клюв. Получив по кусочку хлеба, птицы убрались восвояси.

– Да будет Тьма! – привычно провозгласил мальчуган и пошел от одной женщины к другой, одаривая каждую крохоткой.

Этот каждодневный ритуал порядочно надоел мальчугану, но уклониться от своих обязанностей не было никакой возможности. Едва научившись ходить и говорить, он таким образом благословлял Темных Сестер, а почему – и сам не знал.

Наконец хлеб был роздан, остатки его искрошены на жертвенник, причем чертенок не преминул стащить кусочек и для себя. Мальчуган облегченно вздохнул и собрался выскользнуть из пещеры, но был схвачен за край рубахи и водворен под жертвенник.

– Нужно поесть, господин, а не то так и останетесь маленьким мальчиком.

Старуха поставила на колени мальчугану глиняную миску с куском запеченного на углях мяса.

– Опять кошку ободрали? – малыш подозрительно покосился на угощение.

– Что вы, что вы, господин, какая кошка? Баранина, самая натуральная баранина, не сомневайтесь!

Острые белые зубки тут же вонзились в исходящий соком кусок. Чертенок засуетился, забегал вокруг жующего приятеля, заглядывая ему в рот и капая слюной на каменный пол. Опасаясь, что о нем забудут, рогатый проказник даже за рубашку приятеля подергал. Вот уже последний кусочек остался в миске. Тут терпению чертенка пришел конец. Он стрелой помчался к почти опустевшей посуде, выхватил из нее вожаделенное лакомство и юркнул с ним под жертвенник.

Мальчуган расхохотался и пнул ногой пустую миску. Проделки приятеля всегда приводили его в неописуемый восторг. Зато Темные Сестры неодобрительно зашипели под своими черными покрывалами.

– Пошли вон, гусыни! – прикрикнул на них мальчуган и добавил недавно услышанное в соседней деревне крепкое мужское ругательство.

Старуха, наклонившаяся за миской, просто просияла от восторга:

– Сударик-то наш настоящим багом скоро станет, вот уж и ругаться научился!

Каргунья души не чаяла в своем воспитаннике и повелителе, ведь именно благодаря ей малыш появился в пещере Темных Сестер десять лет назад. В последнее время старуху все чаще навещали воспоминания. Вот и теперь она погрузилась в призрачные воды прошедшего.

... Великий баг умирал. Уже несколько дней он не приходил в сознание. Где в это время пребывала его темная душа, можно было только догадываться. Тело же, по всей видимости, испытывало невероятные муки: его то скрючивало в судорогах, то трепало по ложу в странных движениях конечностей, то выгибало дугой. По изборожденному морщинами лицу катился пот, который прилежно вытирали дежурившие у одра Темные Сестры.

Каргунья, и в те годы уже старая, всматривалась в выражение лица повелителя. Ее охватывал страх, еще недоступный более молодым подругам. Это был страх смерти. В обычной жизни ни одна из Темных Сестер не допускала даже мысли о переходе в инобытие. Каждая жила одним днем, упиваясь своим могуществом и исключительностью. Но вот обиталище их посетила нежданная гостья, и все сестры вдруг почувствовали ее неумолимую власть над ними.

Первой взвыла молоденькая Ибрит. Она выронила из рук платок, которым обтирала лицо умирающего бага, и забилась в истерике. Тут же волна безумия перекинулась на остальных Сестер. Кто-то упал на пол и задергался в конвульсиях, кто-то, выпучив глаза, заметался по пещере. Женщины выли, рвали на себе волосы и одежду, хрюкали, мычали, вертелись на месте волчком.

– Он умирает! – прошептала в ужасе Каргунья. – О, Великий Повелитель Тьмы, ты отрেকся от нас, раз позволяешь порваться нити, связующей с тобой! Не покидай своих дочерей, не отнимай у них единственного достойного мужчину!

Словно почувствовав отчаянную мольбу старухи, баг открыл глаза. Он обвел пещеру вполне осмысленным взглядом и прохрипел чуть слышно:

– Жертва. Искупительная жертва. Кровь младенца...

Ну, конечно же, вот оно, спасение! Каргунья – хранительница тайных знаний – просто обязана была вспомнить об этом обряде. Да, кровь младенца-мальчика вернет к жизни их обожаемого бага.

Старуха оглядела беснующихся сестер и не нашла ни одну, способную выполнить ее поручение.

– Придется самой отправляться за малышом, – проворчала Каргунья, не представляя, где она сможет раздобыть его.

В соседних поселениях старуха не бывала уже давненько, так что не знала, есть ли где-нибудь поблизости ребенок не старше полугода, да еще мальчик. Покряхтывая, она достала из-за своего сундука отполированную собственными ладонями клюку и, опираясь на нее, побрела к выходу из пещеры. Нужно было поторапливаться, ведь часы бага сочтены.

Поглядывая на солнце в зените и вытирая пот со лба, старуха медленно плелась по дороге. Ноги отвыкли от продолжительной ходьбы и не хотели слушаться. Обычный полумрак и прохлада пещеры сделали кожу чувствительной, так что ветер и полуденный зной доставляли Каргунье невыносимые страдания. К тому же она не знала, под каким предлогом явится в деревню. Чтобы выведать, у кого из селян недавно родился сынишка, придется поговорить хотя бы с одной болтливой бабой. Если кто-нибудь заподозрит, что любопытная старуха – обитательница пещеры Темных Сестер, Каргунье не поздоровится. Члены ведьмовской общины никогда не пользовались любовью людей. Впрочем, Темные Сестры тоже не любили своих бывших соседей. Да они их просто презирали, особенно мужчин! О, эти примитивные существа – мужчины, движимые единственной страстью: совокупляться, совокупляться, совокупляться... Они заводят семьи только для того, чтобы всегда была под рукой женщина, вынужденная терпеть их домогательства. Дети... Зачем мужчинам дети? Они – просто побочный продукт их кобелиной деятельности. А на женские плечи ложится и груз материнства, и бесконечные обязанности по поддержанию семейного очага.

Темные Сестры ушли от всего этого, вырвались из кабалы. Они открыли для себя настоящую свободу и поклялись бороться с тиранией мужчин. Каждая ведьма, вступающая в общину Темных Сестер, клялась препятствовать бракам и лишать мужчин их мужской силы. Только один мужчина был властен над Сестрами – глава сообщества, баг. Через него осуществлялась связь между ведьмами и Темными Силами, он был самым олицетворением Князя Тьмы. К сожалению, баг был смертным, и вот сейчас он умирал.

Каргунья дотащила до окраины деревни. Здесь, за плетнем среди грядок с овощами она заметила худую женщину неопределенного возраста. Подоткнув сарафан, та дергала сорняки.

– Не подашь ли водицы бедной страннице, сестричка? – обратилась к женщине Каргунья.

Селянка с трудом разогнула спину и исподлобья взглянула на незнакомку.

– Вон она, вода, – в колодце, – наконец выдавила она из себя. – Только пить ее остерегись.

– Неужели воды жалко? – удивилась Каргунья.

– Отчего же жалко? – селянка равнодушно пожала плечами. – Пей, если хочешь. Коли заболеешь – не жалуйся.

– Вода отравлена?

– Кто ее знает! Иные пьют – и ничего. А старухи вроде тебя и детишки малые – сильно животом маются. Многие уже померли.

– Ну, а грудные младенцы – тоже болеют? Они ведь материнским молоком питаются, – не унималась Каргунья.

– Не знаю, у нас в деревне давненько младенцев не было. Эти проклятые ведьмы из Меловой пещеры на всех мужиков неостаячку наворожили. Откуда же младенцам взяться?

Женщина подозрительно уставилась на белесый подол старухиной юбки.

– А что, дорогуша, не из тех ли ведьм будешь?

Каргунья в душе отругала себя за беспечность: почему не догадалась отряхнуть одежду от меловой пыли?

– Издалече иду, пропылилась вся. Попить бы и умыться, – а сама уже мысленно перебирала слова заговора для отвода глаз.

Селянка равнодушно отвернулась от собеседницы и снова принялась за сорняки, не обращая ни малейшего внимания на удаляющуюся старуху.

В соседнем селении младенцев снова не оказалось. И здесь проклинали испортивших мужиков Темных Сестер. Едва волоча ноги от усталости, Каргунья возвращалась назад.

– Хотя бы одного кобелину на всю округу оставили! – ругалась она вполголоса. – Где теперь взять мальчишку для искупительной жертвы? Ох, горе горькое: помрет наш батюшка, покинет нас!

Каргунья готова была взвыть в голос, как давеча выли обезумевшие от горя Сестры. Глотая слезы, она спустилась к реке, чтобы напиться и освежить обожженное солнцем лицо. Тень от тучки принакрыла старуху, словно напоминая ей о Темном Повелителе.

– О, всемогущий Владыка Тьмы! – взмолилась ведьма, падая на колени у самой воды. – Не оставь своих дочерей без покровительства, пошли исцеление нашему багу!

В ответ послышалось хлопанье крыльев, и огромный ворон спикировал на старуху.

Каргунья закрыла голову руками и застыла в недоумении. Что это – знак? В следующее мгновение ее подслеповатые глаза заметили лохань, зацепившуюся за торчащую из воды корягу. Вторая черная птица сидела на краю лохани, распахнув крылья. Изнутри доносилось то ли попискивание, то ли постанывание.

Подхватив подол и прижав его одной рукой к груди, Каргунья забрела по колени в воду и зацепила краем посоха утлое суденышко. Ворон недовольно каркнул, но места своего не покинул.

– Кыш! – старуха дернула лохань к себе, пугая птицу.

Теперь уже два ворона стали клевать Каргунью и хлестать ее крыльями, но ведьма не замечала их атак. В лохани лежал маленький мальчуган. Пеленка сбилась и наполовину свесилась в воду, так что обнаженное тельце младенца не оставляло никаких сомнений по поводу его принадлежности к мужскому полу.

Каргунья выхватила малыша из лохани, прикрыла его влажной пеленкой и со всех ног припустила к входу в пещеру.

– Благодарю тебя, великий Князь Тьмы! – шептала она снова и снова.

Второпях старуха не заметила, что пара воронов не перестает кружиться над ее головой, а крошечный озорной чертенок, выскочив из корзины, прицепился к подолу ее летника.

В пещеру Каргунья вошла медленно, с величайшим достоинством, как и положено Хранительнице тайных знаний. Она обвела взглядом мечущихся у одра бесноватых женщин и подняла над головой младенца.

– Радуйтесь, несчастные: я принесла мальчишку для искупительной жертвы!

Ведьмы не сразу осознали, что в руках старухи – спасение их обожаемого бага. Они еще какое-то время выли, не в силах выйти из транса, но потом смысл сказанного все же проник к их сознанию. Одна за другой Темные Сестры приходили в себя и приближались к Каргунье. Когда последняя из ведьм умолкла, старуха снова заговорила. Тон ее был властен и подразумевал беспрекословное повиновение.

– Приготовьте алтарь к жертвоприношению!

Принесите стилет и большую чашу!

Воскурите благовония!

Зажгите черные свечи!

Темные Сестры безропотно выполняли приказания. Когда все было готово, они окружили ложе умирающего и принялись нараспев повторять слова заклинания. Самая младшая из Сестер – девственница Ибрит – зажгла последнюю свечу в подсвечнике, сделанном из человеческого черепа. Она взяла в руки острый стилет и приготовилась вонзить его в сердце младенца. Каргунья распеленала малыша, положила его на грудь умирающего повелителя: сердце к сердцу. На шее мальчишки болтался какой-то округлый предмет на шнурке. Старуха потянулась сорвать ладанку, но передумала – нужно было торопиться. Хриплое дыхание едва срывалось с посиневших губ бага, поэтому Каргунья поскорее перенесла младенца на жертвенный камень, положила его так, чтобы кровь беспрепятственно стекала по желобку в подставленную чашу.

Закатив глаза, старая ведьма провозгласила последние ритуальные слова.

– Ну, чего медлишь! – прошипела она Ибрит.

Черноокая красавица побледнела и взмахнула стилетом. В следующее мгновение она взвыла от страха и выронила оружие. Толстые косы цвета воронова крыла вспыхнули, словно огненные змеи. Малыш перевел взгляд на Каргунью, хихикнул и снова щелкнул пальцами. В ту же секунду загорелся покрывающий голову ведьмы платок.

Из-за черепа-подсвечника высунулась озорная рожица маленького чертенка.

– Дуй сюда! – предложил он другу.

Малыш не заставил себя ждать. Он пустил фигурную струю прямо в недра черепа и погасил толстую черную свечку. Из-под свода пещеры спикировали огромные вороны, взмахами крыльев гася остальные свечи.

Перепуганные ведьмы замолкли и не смели шевельнуться. Только умирающий баг заметался на своем одре, потом протяжно застонал и затих. Общее оцепенение длилось довольно долго. Потом до женщин дошло, что их повелитель все же умер. Охватившая их ярость заставила Сестер искать виновников несчастья. Превозмогая страх, они двинулись к жертвеннику.

– Это ты виновата, паскудница! – в адрес Ибрит посыпались обвинения. – Не смогла пустить кровь ублюдку. Нашла время беречь косы!

– Я не виновата, я не виновата! – тоненько заверещала девушка, прячась за камень. – Это все он – он!

Дрожащий палец Ибрит указывал на малыша. Тут же к младенцу потянулись женские руки: растерзать, разорвать крошечное тельце. И в то же мгновение рукава вспыхнули огнем, который перекинулся на одежду Темных Сестер. Вопя от страха и боли, они помчались вон из пещеры, вниз – к реке.

Мокрые и еще более злые ведьмы вернулись в свое обиталище. То, что они увидели, повергло их в шок: Каргунья сидела на полу у алтаря и баюкала злополучного младенца.

– Тише! – прошипела она Сестрам. – Великий Повелитель Тьмы послал нам нового бага. Вот наш владыка!

И она подняла над головой малыша.

Словно подтверждая ее слова, два огромных ворона уселись на плечи старухи, а крошечный чертенок выглянул у нее из-под юбки и показал язык.

Глава 2

– Ну же, ну – еще, еще... Ах!

Роскошная молодая женщина разметала нагое тело на мелком прибрежном песочке неподалеку от пещеры Темных Сестер. Черные косы змеями струились вокруг прекрасного лица, искаженного гримасой сладострастия. Пересохшие губы шептали снова и снова:

– Еще, еще, еще!..

Вторая женщина красотой не блистала, зато руки ее так восхитительно ласкали разгоряченное тело Ибрит! О, эти тяжелые молочно-белые груди с ягодами сосков на вершине – дурнушка тянулась к ним губами и испытывала странное блаженство.

– Ах! – стон сорвался одновременно с губ обеих женщин, открывая выход захлестнувшему их напряжению.

Чуть позже Ибрит лежала, глядя в небо и предоставив подруге возможность выбирать из своих кос песчинки. Высоко – высоко над ними кружил коршун, изредка взмахивая крыльями. В двух шагах струилась река, одаривая прохладой прибрежные кусты.

– Скажи, Рута, ты никогда-никогда не была с мужчиной? – Ибрит заглянула в глаза подруги снизу вверх.

– Зачем тебе знать? – откликнулась та, внутренне содрогнувшись от неприятного воспоминания.

Всю свою жизнь она пыталась забыть ту ночь, когда была изнасилована забредшим в их дом странником.

– Вот я никогда не знала мужчин, – протянула Ибрит, не то, сожалея, не то, гордясь этим.

– Такая красавица не могла быть обделена мужским вниманием.

– Хм, ухажеров-то было достаточно, только все они мне не нравились. У одного был нос курносый, у другого – уши в разные стороны, третий – конопатый. И что же, я должна была отдать свою красоту этим уродам?

– Ты никого не любила? – ревниво обронила Рута.

– Я любила себя – этого было достаточно. А потом и вовсе ушла из деревни – сюда, к Сестрам. В нашей пещере жила настоящая страсть. Здесь был настоящий, единственный, обожаемый баг. Ты пришла позже и не знаешь, каково кружиться в хороводе совершенно голой, изнывая от желания быть выбранным нашим повелителем. Он так ни разу и не выбрал меня, берег мою девственность для совершения тайных обрядов. А я хотела его, пусть он и был уже старым. Ты бы тоже не утерпела.

– Мне не нужны мужчины, мне нужна только ты! – Рута наклонилась и поцеловала подругу в губы.

Ибрит вытерла рот ладошкой и перекатилась на живот.

– А я хочу настоящей близости, понимаешь? Только я дала клятву ненавидеть мужчин, всех, кроме бага. А наш нынешний баг – сопливый мальчишка. Когда он вырастет и будет в состоянии выполнять все свои обязанности, я уже буду старухой.

– Но ведь у тебя есть я! – в голосе Руты сквозило отчаяние.

Казалось, Ибрит даже не обратила внимания на ее слова. Она потянулась, томно закатила глаза и прошептала:

– А не поторопить ли время? Десять лет – не такой уж юный возраст. Если взяться за дело с умом, можно разбудить мужчину и в мальчишке. И тогда только я буду его избранницей в хороводе. Только я!

Рута побледнела от этих слов и в отчаянье прикусила губу. Она не могла, не могла допустить, чтобы Ибрит бросила ее ради мальчишки, пусть и юного бага. Она любила это роскошное тело, она млела от одного прикосновения к нему.

– Ну, уж нет, не бывать этому! – прошептала она себе под нос и с остервенением принялась натягивать на себя одежду.

Ночью Руте не спалось. Она ворочалась с боку на бок, задыхаясь от пряного аромата набитой в тюфяк сухой травы, ощущая на губах тончайшую меловую пыль. В двух шагах от нее спокойно посапывала красавица Ибрит. Видимо, ей снилось что-то приятное, иначе, отчего бы ее губам складываться в такую пленительную, такую чудесную улыбку?

Рута почувствовала неодолимое желание прикоснуться губами к уютной ложбинке между грудями подруги, ощутить в руках округлость упругих ягодиц. Быстро окинув взглядом спящих Темных Сестер, она уже готова была перейти к делу, но тут Ибрит открыла глаза и села на своем тюфяке.

Как замороженная, Рута наблюдала за подругой. А та сбросила с себя рубаху и ступила босыми ногами в меловую пыль на полу пещеры. Всего два шага отделяло ее от любовницы, но, сделав эти два шага, Ибрит не остановилась. Вот она миновала ложе строй Каргуньи, вот ее ягодицы сверкнули, отражая пламя единственной свечи у алтаря. Наконец женщина остановилась у возвышения, на котором была устроена постель юного бага.

Мгновение Ибрит медлила, а потом опустилась перед ложем на колени и склонилась к разметавшемуся во сне крепкому мальчишескому телу. Ее роскошные волосы упали на живот бага, а следом и пышущие огнем губы коснулись загорелой кожи.

Мальчуган что-то пробормотал во сне и, отмахнувшись от нарушительницы его спокойствия, перевернулся на живот. Невесомой ладошкой Ибрит провела по спине бага – сверху вниз. Это движение чуть было не разбудило повелителя, но тут вмешалась Рута. Она подлетела к подруге сзади, схватила ее за руку и потащила к выходу из пещеры. Ни одна из женщин не осмелилась закричать, так что последующие сцены ревности, страсти и примирения прошли без единого звука.

После этой ночи Рута окончательно поняла, что вот-вот потеряет свою любовь. Спасти ее можно было только одним способом: избавиться от юного бага. Почему-то эта крамольная мысль не испугала женщину. Возможно, она жила еще слишком мало времени в пещере ведьм и не успела проникнуться к повелителю слепым обожанием. Возможно, ненависть ко всем мужчинам поселилась в ее сердце после совершенного над ней насилия. Как бы то ни было, а Рута решила бороться за Ибрит. Кроме того, власть над ведьмами повелителя – мужчины казалась ей несправедливой. Уж если ненавидеть мужчин, так всех без исключения! У Темных Сестер должна быть повелительница, багиня, и ею станет она, Рута!

Теперь одна неотвязная мысль преследовала женщину – как избавиться от юного бага? Просто вонзить кинжал ему в грудь – опасно. Рута была наслышана о магических способностях мальчишки и не желала вспыхнуть факелом от щелчка его пальцев. Организовать заговор и свергнуть бага тоже было нереально: вряд ли у Руты нашлись единомышленницы среди фанатично преданных повелителю Сестер. Оставалось одно – найти сообщников на стороне. И тут ведьму осенило! Остроушки – вот кто поможет ей избавиться от мальчишки.

В голове тут же возникли картинки из далекого детства.

– Не ходи одна гулять на луг – остроушки утащат, – страшала ее бабушка.

Озорная девчонка не слишком-то верила в бабушкины сказки, но всегда любила послушать их вновь.

– А кто они, эти остроушки?

– Я тебе уже столько раз рассказывала!

– А ты снова расскажи. Они маленькие?

– Маленькие, да удаленькие. С ними лучше не связываться.

– Чего мне с ними связываться, мне бы только одним глазком на них взглянуть. Я бы одну остроушку к себе взяла вместо куклы. Вот здорово было бы!

– И не вздумай! – бабушка испуганно махала руками. – Они сами тобой, словно куклой поиграют, позабавятся, а потом и убьют. От них никто не возвращался.

– Враки все это, – девчушка хитро прищуривала глаз. – Никто твоих остроушек не видел, ты все придумала, чтобы меня на луг не пускать.

– Не каждому дано увидеть крохотулек, а вот следы от их плясок на лугу любой узрит, хоть бы и ты. Видела, как трава иногда поутру кругом полегает: не сломана, не срезана, а все в одну сторону согнута? Так вот это – след от хоровода остроушек. Это они ночью на лугу плясали, траву помяли. Кто одной ногой в тот круг ступит – может плясунов увидеть, а кто двумя войдет – того остроушки уже не выпустят, с собой заберут. Так что держись подальше от луга, там частенько те круги появляются.

Рута и верила, и не верила в бабушкины сказки. Все же подходить к вытоптанной кругом траве она остерегалась. Но в ту ночь...

С вечера на дворе то выл, то взлаивал Волчок.

– Не к добру собака воет, ох, не к добру, – вздыхала бабушка, суетясь возле печи. – Уж не по мою ли душу?

– Что ты, бабуля, – утешала ее Рута. – Полнолуние – вот Волчку и беспокойно. А ты – крепкая, ты еще долго жить будешь.

От негромкого стука в дверь вздрогнули обе.

– Кого это, на ночь, глядя, принесло?

Не дожидаясь приглашения, в дом вошел высокий мужчина. Одежда его была сера от пыли, стоптанные башмаки также выдавали странника.

– Не пустите ли переночевать одинокого путника, добрые люди? – густым басом пророкотал незванный гость.

– Отчего же не приютить того, кто припозднился в дороге? Далече ли путь держишь, мил человек?

– Долог еще мой путь, хозяйшка, за седмицу не добраться до родного очага. Да я вас не стесню, устроюсь где-нибудь в уголке. А если и хлеба горбушка для меня найдется, рад буду безмерно.

Бабушка засуетилась, доставая из печи горшок с кашей, наливая из кринки молока. Рута же, пристроившись на дальнем краю лавки, с любопытством разглядывала мужчину. Был он еще не стар, чернобород и белозуб. Заметив изучающий взгляд девчонки, незнакомец подмигнул ей:

– А что, курносая, который тебе годок?

Рута зарделась и опустила глаза, а бабушка неодобрительно нахмурилась:

– Ты, мил человек, девчонку-то не смущай, мала она еще с взрослыми мужиками разговоры разговаривать.

– Да уж, поди, и в девичий хоровод скоро пойдет, – рассмеялся гость. – Вон, титьки уже растут.

Рута вскочила, как ужаленная, и выбежала из избы. Так о ней еще никто не говорил, никто не замечал, что из босоногой девчонки она вот-вот превратится в настоящую девушку. Зарывшись на сеновале в остатки прошлогоднего сена, Рута пыталась унять неожиданную дрожь. Сколько она ни зажмуривалась, перед глазами все равно стояли черная борода и белозубая улыбка странника. Потом мысли сами собой перескочили на хоровод, в котором девушки каждую весну собираются за околицей. Там парни выбирают себе невест. Вот пройдет лето красное, за ним – осень, да зима – и Рута впервые закружится в том хороводе. Кто выберет ее? Может, это будет давно уже приглянувшийся ей Любим?

Разомлев от сладких мыслей, Рута забылась во сне. Проснувшись она от грубого прикосновения жесткой мужской руки. Зажав девчонке рот и щекача ухо бородой, путник шептал ей:

– Пикнешь – убью на месте! Ну-ка, не вертись, как уж на сковородке. Будешь умницей – не пожалеешь.

Вторая рука уже задирала подол и шарила между ног оцепеневшей от страха Руты...

Она сползла с сеновала и, негромко постанывая, побрела прочь. В голове было пусто, на душе – погано. Остывшая за ночь пыль деревенской улицы мягко окутывала босые ступни. Где-то у соседей подал голос петух, ему неохотно отозвалось еще несколько. Полная луна светила так ярко, что длинные черные тени полосатили улицу почти как днем.

Рута опомнилась только за околицей, когда ноги ощутили прохладу росистой травы. Луг искрился в лунном свете мириадами капель, но девочку привлекло непонятное светящееся колесо, что вертелось почти у самых прибрежных кустов. Оно казалось таким огромным! Трудно было представить телегу, которой бы оно подошло. Зябко поеживаясь, Рута двинулась к мелькающим по кругу огням. Вот уже один только шаг отделяет ее от сказочного видения.

– Боги, да это же хоровод остроушек!

Не менее сотни крохотулек мчатся по кругу, взявшись за руки и издавая мелодичные звуки то ли песни, то ли смеха. Все они – рыжеволосы, с задорно вздернутыми курносыми носишками, необычно заостренными ушками. Росту – всего-то Руте по колено. В руках – фонарики, которые то поднимаются вверх, то опускаются разом вниз, а то и перекатываются по хороводу сверкающей волной.

Рута застыла на месте, боясь пошевелиться. Хоровод остроушек несется прямо у нее между ног, задевая намокшую от росы рубаху. Трава, примятая сотнями крошечных башмачков, послушно склонилась в одном направлении.

– Кто одной ногой в тот круг вступит, тот остроушек увидеть сможет, – вспоминаются Руте слова бабушки. – А кто двумя ногами в него войдет, того уж остроушки из хоровода не выпустят, с собой уведут.

Рута поднимает ногу: один лишь шаг – и никто никогда не узнает о ее позоре. Будь что будет! Но тут же мысль о том, что она бросит старую бабушку одну-одинешеньку на белом свете, заставляет девочку попятиться назад. Шаг, другой – и вот уже не видно крошечных человечков, только огни вертятся по лугу колесом, да трава сгибается под невидимыми ногами.

Глава 3

– Испейте-ка, сударик, кислого молочка, – Каргунья, умиленно улыбаясь, протягивала глиняную кружку своему господину.

Не говоря ни слова, тот отвернулся от угощения и уставился на сверкающую в лучах солнца воду реки. Вот уже несколько часов юный баг вместе со своим рогатым приятелем валялся в привязанной к прибрежной ветле лодке. Вынужденное безделье угнетало мальчика. Он с завистью поглядывал на ватагу деревенских пацанов, весело плескавшихся у противоположного берега чуть ниже по течению. С какой радостью он очутился бы там, среди своих сверстников! Увы, это было совершенно невозможно.

– Ну, что стоишь, старая, пошла прочь со своим молоком! Не видишь разве, что господин кручинится? – чертенок не только давным-давно перестал прятаться от Темных Сестер, но позволял себе покрикивать на них: ведь он был другом самого бага.

Каргунья молча поставила кружку на дно лодки и заковыляла к роще, где ведьмы доили коров. Здесь, на острове посреди реки, все четыре пеструхи были в безопасности, не требовали пастуха и бесперебойно снабжали обитательниц пещеры молоком. К тому, что молоко без конца скисает, ведьмы уже привыкли. Зимой приходилось прятать своих кормилиц от волков в той же пещере, где жили сами. С ними было и сытнее, и теплее. Родившийся весной приплод шел под нож – на солонину. Там же, на острове, выращивали овощи. Таким образом, Темным Сестрам удавалось обходиться без тесных контактов с окрестными селянами. Вот только за мукой для ежедневного ритуального каравая им приходилось наведываться на дальнюю мельницу. С мельником у ведьм были свои счеты: он, единственный из живущих поблизости мужчин, оставался счастливым главой многочисленного семейства, каждый год радуясь новому малышу.

– Не грусти, приятель! – чертенок дернул бага за край рубашки. – Давай рыбу ловить.

– Надоела мне твоя рыба, отвяжись.

– Ну, так полезай в воду, поплавай маленько.

– Скучно одному, – баг с завистью следил за резвящейся в реке деревенской детворой.

– Ты – баг, тебе не положено с пацанами знаться, – напомнил чертенок.

– Да это они со мной знаться не хотят! Забыл, как мы пытались познакомиться с ними поближе?

– Не мы, а ты: мне на глаза людям показываться нельзя. А ты... Ну да, они с тобой играть не захотели. Вопили – колдун, ведьмак, камнями швырялись. Но ты их здорово проучил тогда! – чертенок весело захихикал.

– Не сдержался, поджег пару рубашек на крикунах, – мрачно улыбнулся баг. – Только теперь мне к ним дорога заказана.

– Подумаешь, у тебя есть я! А хочешь – с ведьмами позабавься. Они тебя не все боятся, вот Ибрит, например.

– Да ну это бабье, только и знают, что ныть, да заговоры свои твердить. Телушки! Ненавижу их вместе с их коровами и их молоком. Хоть бы коня завели для меня, так нет же, твердят все – коню сена много надо, а пользы от него – никакой. Глупые гусыни!

Как назло на другой стороне реки показались лошади. Деревенские мальчишки пригнали на водопой десяток кляч, которые, тем не менее, показались багу прекраснейшими скакунами. Пока лошади пили, ребята заботливо поливали водой их бока, протирали пучками травы спины и шеи. Напоив животных, мальчишки вскочили на них, и вся ватага понеслась к деревне с визгом и гиканьем.

Рута стояла неподалеку за ветлой. От нее не скрылись наворачнувшиеся на глаза бага слезы досады и зависти.

– Теперь я знаю, как избавиться от тебя, мальчишка! – прошептала женщина.

На лугу крутилось огненное колесо. Полная луна несколько приглушала яркость сияния, зато становились заметными странные тени, скользившие по траве ниже движущихся огней. Сочная росистая трава поникла, полегла в одну сторону, совпадающую с направлением вращения.

– Это они, остроушки! – обрадовано бормотала Рута, не в силах оторвать взгляд от волшебного видения.

Она столько бессонных ночей провела на лугу, караулила и в дождь, и в туман. И вот – полнолуние. Светло так, что можно разглядеть каждую травинку – неслыханная удача! Именно сегодня крохотульки затеяли свой хоровод.

– Чего же я медлю? – опомнилась женщина. – Нужно спешить, пока остроушки кружатся на лугу.

Подобрав подол рубахи, она помчалась к меловой пещере. Только бы никто не помешал, только бы никто не помешал – стучало у нее в висках.

В глубине обители Темных Сестер привычно мерцала свеча на жертвенном камне. Тишину нарушали похрапывания, посапывания, постанывания спящих ведьм. Где-то под сводом пещеры проснулся на своем выступе в стене один из воронов, встряхнулся, обронив вниз пригоршню мелких камешков вперемешку с пометом.

Рута замерла, обливаясь холодным потом: если вмешаются вороны – верные телохранители юного бага, – все ее планы рухнут. Чертенка, обнаглевшего до того, что он уже перестал прятаться от Темных Сестер, Рута не боялась. С рогатым всегда можно было договориться, умаслив его каким – либо лакомством. Женщина непроизвольно нащупала кусок яблочного пирога, спрятанного под передником. Как кстати нашла она его на камне у деревни!

– Ага, плутишка, ты спишь, – улыбнулась Рута, заметив свернувшегося под боком у приятеля чертенка. – Ну что ж, пирог не пригодится.

Ведьма подошла к изголовью ложа повелителя и с нескрываемой ненавистью взгляделась в лицо мальчишки. На долю мгновения она засомневалась, стоит ли продолжать: он был таким еще юным, этот ее соперник! Разве сможет он доставить ее драгоценной Ибрит хоть долю тех удовольствий, которыми одаривает она подругу?

– Но ведь ты же вырастешь, гад, ты повзрослеешь и отнимешь у меня мое сокровище. Смогу ли я вынести зрелище, о котором с таким восторгом вспоминает Ибрит?

У Руты даже челюсти свело от ревности. Она наклонилась и тронула бага за плечо.

– Господин, господин, проснитесь!

Малец стряхнул с плеча будившую его руку и повернулся на другой бок. Чертенки, что-то недовольно бурча себе под нос и не открывая глаз, отполз в сторону.

– Господин, проснитесь же! – не отступала Рута. – Деревенские мальчишки пригнали на луг коней. Вы же так мечтали прокатиться на лошади!

– Какие лошади – ночь на дворе! – баг все же открыл один глаз.

– Так в ночное и гоняют коней на луг, чтобы они паслись спокойно. Днем-то оводы, слепни, мухи...

– А ночью – комары и вредные тетки из меловой пещеры, -встрял в разговор проснувшийся чертенок.

– Брысь, балабошка! – оборвал приятеля окончательно проснувшийся баг.

Он сел на ложе, недоверчиво поглядывая на Руту. Покататься на лошади было верхом его мечтаний, но разве можно поверить, что желание это вдруг осуществится?

– Меня деревенские к коням и близко не подпустят. Они меня не любят, дразнят колдуном.

– Спят они все, обидчики-то ваши. Я на них морок навела, – соврала Рута, глазом не моргнув.

– Правда? – глаза мальчишки радостно вспыхнули.

– Истинная правда, – закивала Рута головой. – Пойдемте, сударь, на луг, сами и увидите.

– Ну, если соврала, старая дура, тебе не поздоровится, – малец уже был на ногах.

«Это тебе не поздоровится, соколик. И за „дуру“, и за „старую“ выгребешь», – мысленно возразила ведьма, а сама уже подталкивала мальчишку к выходу из пещеры.

Чертенок тоже соскочил, было, с ложа, но, заметив на нем кусок пирога, передумал тащиться ночью в луг.

– Ну, где же кони? – сколько ни всматривался баг в темноту, ничего не было видно.

Луна спряталась за тучу, так что приходилось брести по росистой траве, цепляясь за подол Руты.

– Сейчас, сударь, сейчас, вот только к реке спустимся.

– Ой, что это? – мальчишка замер, едва не оторвав подол своей проводницы.

Сквозь ветви прибрежного кустарника замелькали огни. Они совершенно не были похожи ни на пламя костра, ни даже на искры от него. Огни мерцали, перемещались, сливаясь в одно огромное сверкающее колесо.

– Неужели мальчишки скачут по кругу с головнями в руках? – предположил баг, которому из-за темноты трудно было оценить реальное расстояние до огней.

– Сейчас, сейчас мы все узнаем, – отозвалась Рута и шагнула вперед.

Рубаха, за которую держался баг, натянулась, не давая ей возможности сделать дальше ни шагу.

– Что же вы, сударик, испугались, никак? – в голосе Руты сквозила явная насмешка.

– Вот еще! Ничего я не испугался. Ну-ка, посторонись!

Мальчишка выпустил рубаху из рук и первым двинулся к огненному колесу. Оно оказалось рядом! Огоньки уже мерцали прямо у его ног.

– Вот вам подарочек, остроушки! – взвизгнула вдруг за спиной бага Рута и толкнула своего господина вперед.

Мальчишка ощутил, что задевает кого-то ногами, затем огни расступились, и он оказался внутри огненного хоровода.

– Он... – закричала, было, Рута, намереваясь сообщить остроушкам что-то еще.

– Карр!

Захлопали крылья, и два огромных черных ворона спикировали на ведьму, долбя ее клювами.

– Он – Карр!

– Нет, Карр – он.

– Каррон, Каррон, – зазвенели вокруг тоненькие голоса.

– Это – Каррон, человеческий ребенок!

За одно мгновение до того, как погасли огни, баг успел заметить, что его со всех сторон окружили маленькие человечки. Обычные с виду человечки, только ростом – чуть выше колен мальчугана.

Десятки маленьких ручонков уцепились за одежду мальчишки и потащили его куда-то по траве. В следующий миг странное оцепенение сковало бага, не давая ему возможности привычно щелкнуть пальцами и поджечь своих обидчиков. Он уже не слышал воплей Руты, не видел, как по щекам ее текла кровь из выклеванных воронами глаз.

– Каррон, Каррон! – пищали вокруг крохотульки, и мальчишка вдруг осознал, что это – его новое имя.

Темные Сестры нашли Руту на следующее утро. Туман клочками уползал с луга, открывая взглядам ведьм страшную картину. На траве лицом вверх лежало окровавленное тело в изодранной одежде. Вместо глаз зияли наполненные запекшейся кровью пустые глазницы, рот кривился в мучительной судороге, руки сжимали выдранные с мясом черные перья воронов. Обе птицы лежали тут же, на траве с затянутыми мутной пленкой мертвыми глазами.

Каргунья присела на корточки рядом с поверженной Сестрой и дотронулась до нее скрюченными пальцами.

– Должно быть, давненько она тут лежит: совсем холодная. И вороны мертвы. Где же господин?

Старуха, кряхтя, поднялась и схватила за шиворот переминающегося с копытца на копытце чертенка.

– А ну-ка, шельмец, признавайся, куда подевался наш повелитель?

– Я не знаю, не знаю я! – чертенок извивался, не в силах вырваться из цепкой руки Каргуньи.

– Вороны – здесь, а ты – не знаешь? Уж не хочешь ли ты сказать, что господин ушел из пещеры без тебя?

– Ну да, без меня, конечно. Чего я ночью не видел на лугу? Мне эти лошади и даром не нужны.

– Какие еще лошади?

– А те, на которых Рута обещала бага покатасть. Она сказала, что деревенские мальчишки выгнали коней на луг в ночное, можно на них покатасться. Баг давно об этом мечтал, а я – нет. Вот они и пошли, а я – остался.

Чертенок вспомнил, что главной причиной был кусок яблочного пирога, но говорить об этом не стал.

– А вороны?

– Вороны спали, а потом проснулись и полетели за багом следом.

– Ну, а ты?

– А я спать лег. Баг же с Рутой был и воронами – в безопасности.

– В безопасности? – старуха встряхнула чертенка так, что в животе у него что-то булькнуло. – Рута мертва, вороны – тоже, а повелитель – пропал. Это ты называешь – в безопасности!

– Она жива! – Ибрит заметила, как губы подруги чуть дрогнули, и упала рядом с ней на колени.

– Рута, Рута, очнись! – трясла она недвижимое тело за плечи, не решаясь поцеловать любовницу на глазах остальных Темных Сестер.

– Жива? – Каргунья отбросила чертенка в сторону и взгляделась в бледное лицо Руты. – Ну-ка, посторонись!

Опустившись на траву, старуха склонилась к самым губам поверженной Сестры.

– Она не умерла, – подтвердила Каргунья через некоторое время, уловив слабое дыхание. – Несите ее поскорей в пещеру, разотрите моим снадобьем и согрейте у огня. Ты, Ибрит, расспросишь ее о баге, когда она придет в себя. А мы поищем повелителя здесь.

– А я? – из травы высунулась огорченная мордочка чертенка.

– Пошел прочь, паскудник, чтоб глаза мои тебя не видели! – и Каргунья решительно двинулась к реке.

Уставшие от безуспешных поисков Темные Сестры вернулись в пещеру только поздно вечером. В жертвеннике ярко пылал огонь. На ложе бага возлежала еще бледная и слабая Рута с черной повязкой на пустых глазницах. Рядом с ней сидела Ибрит. Выражение ее лица поразило Темных Сестер.

– Бага больше нет! – заявила она торжественно. – Нашего повелителя украли остроушки. Рута защищала его, пока были силы, но похитителей было много, а она – одна. Вороны –

не в счет, их убили еще в начале схватки. Рута не пожалела отдать за бага жизнь, поэтому она достойна стать нашей повелительницей. Теперь у нас не баг – багиня. Теперь ни один мужчина не будет исключением, все они достойны нашей ненависти. Да здравствует багиня Рута!

– Ты отвернулся от нас, Владыка Тьмы! – взвыла в ответ Каргунья. – Мы, недостойные, не уберегли посланного тобой бага! Да, мы заслуживаем только одного – смерти!

С этими словами старуха приблизилась к жертвеннику, сунула руку в горящий на нем огонь и надавила на одной ей известный камень. В то же мгновение огонь погас, послышался скрежет сдвигающихся каменных глыб. Со свода пещеры посыпались сначала мелкие камешки, потом более крупные.

Темные Сестры закричали от ужаса и побежали к выходу, но там уже громоздились упавшие валуны.

– Умрите, недостойные! Умрите все! – вопила в темноте Каргунья. – Владыка Тьмы получит искупительную жертву за то, что мы не уберегли его посланца. Умри...

Голос старухи оборвался, и только хруст разбитого камнем черепа обозначил причину ее молчания. Через несколько минут смолкли и остальные вопли. На месте пещеры Темных Сестер теперь были только руины и оседающая в темноте невидимая меловая пыль.

Глава 4

Мальчишку тащили по лугу к реке. Несколько десятков крошечных человечков взвалили, казалось бы, непосильную ношу на плечи и дружно перебирали ногами.

«Должно быть, я похож на сороконожку, – лениво подумал пленник, но мысль эта даже не показалась ему забавной. – Как это они меня обозвали? Каррон. Да, именно так – Каррон. Что ж, не так уж и плохо. Гораздо лучше, чем быть совсем безымянным».

В пещере Темных Сестер у него не было имени. Баг, повелитель, сударик – разве можно назвать это именами? У самой шелудивой собаки в соседней деревне была кличка, у каждой из ведьм – имя. Только он, их повелитель, оставался безымянным.

– Каррон, – попробовал новое имя на слух мальчишка.

– Каррон, Каррон! – тут же откликнулись тонкие голоса носильщиков.

– Я – Каррон, а вы – кто?

Голоса вокруг тут же смолкли, а крохотные ножки убыстрили свой бег.

– Ну, не хотите разговаривать – и не надо! Вот я вас сейчас потешу: вспыхните, как ваши фонарики, – обиделся пленник.

Однако в следующее мгновение он обнаружил, что не может пошевелить ни одним пальцем. Тело не слушалось, как в страшном сне, когда хочешь, но не можешь бежать от какого-нибудь кошмарного чудища.

Между тем, остроушки подтащили свою добычу прямо к воде. «Неужели они хотят утопить меня?» – сердце пленника сжалось от страха.

Вот уже его волосы окунулись в реку, а нос почувствовал острый запах тины. Но тут с поверхности воды поднялся странный зеленоватый туман. Он был словно соткан из мельчайших зеленых искорок, которые то гасли, то вновь загорались. Последнее, что почувствовал мальчишка, был незнакомый сладкий аромат, наполнивший все его существо и лишивший сознания.

– Ну что ж, человеческий ребенок – хорошая добыча! Конечно, лучше было бы, если б он был немного поменьше. Этот, наверное, прожорливый очень. Надеюсь, вы не забыли оставить вместо него какое-нибудь полено для отвода глаз?

Каррон ясно слышал властный женский голос, но открыть глаза не решался.

– О, Несравненная, мы не крали этого ребенка. Его привела к нашему хороводу ведьма из меловой пещеры. Она сама втолкнула его в круг.

– Сколько раз просила я вас не называть этих озлобившихся женщин ведьмами? Разве это – настоящие ведьмы? Они просто возомнили себя служительницами Тьмы, хотя ни одна из них никогда не умела по-настоящему пользоваться чарами. Два – три примитивных заговора, дурацкие ритуалы и удовлетворение своей похоти с одним-единственным мужчиной – вот и все, что они умеют. Да-да, они просто глупые гусыни, а не ведьмы, вот что я вам скажу.

– Конечно, конечно, Несравненная! Пусть они называют себя, как хотят, но мы-то знаем, что настоящие ведьмы живут вовсе не в меловой пещере, а в Сыром Логу. С теми лучше не связываться.

– А этот мальчишка как оказался у Темных Сестер? Неужели одна из них все же родила от своего повелителя?

– Спроси об этом у Ясноглазки, о, Несравненная!

– Зачем беспокоить провидицу по пустякам? Сейчас мы все узнаем от самого мальчишки. Ну-ка, плесните на него родниковой водички!

Холодные капли тут же упали на сомкнутые веки Каррона, и он непроизвольно открыл глаза. Прямо над собой он увидел раскидистые ветви огромного дуба. Лучи полуденного

солнца просачивались сквозь кружево листвы, заставляя мерцать попадающие в них пылинки. В глубине кроны мелькнул пушистый рыжий хвост белки. А может, это была борода одного из похитивших его крохотулек?

Каррон повернул голову и увидел стоящую неподалеку группу маленьких человечков. Все они были одеты в зеленые одежды, и только на одной светловолосой женщине красовалось белое переливающееся платье с коричневой отделкой. На головах всех собравшихся Каррон заметил странной формы остроконечные шляпы с широкими полями в тон одежде.

– Ага, вот и глазки открыл наш голубчик! – слова женщины в белом были ласковы, но от тона, каким они были сказаны, по спине мальчугана побежали мурашки.

– Ну-ка, признавайся, которая из Темных Сестер – твоя мать?

– У меня нет матери, я – сирота.

Каррону вдруг стало противно оттого, что он невольно попытался вызвать жалость.

– Я – Посланец Властелина Тьмы, баг! – добавил он гордо, вспомнив, как частенько имела его Каргунья.

– Ха-ха-ха, хи-хи-хи! – окружавшие Каррона человечки явно не поверили словам пленника.

– Какой ты баг, ты просто – маленький лгунишка! – рассердилась женщина в белом.

– Кто тут маленький – это еще разобраться надо! – Каррон презрительно взглянул на крохотулек и шелкнул пальцами.

Странно – ничего не произошло. Каррон шелкнул еще раз, еще, но никто из маленького народца не вспыхнул огнем, хотя искры просто осыпали их.

– Вот оно что: у тебя есть магические способности! – женщина в белом взглянула на пленника уже с интересом. – Перестань шелкать пальцами, глупец, на нас твои чары не действуют! Теперь понятно, почему эти гусыни из меловой пещеры провозгласили тебя своим предводителем. Но кто же все-таки твои родители?

– Ясноглазка могла бы... – робко заметил рыжебородый мужичок, стоящий ближе всех к женщине в белом.

– Хорошо, мы спросим о нем у Ясноглазки! Потом. А пока – отведите-ка пленника к Эрите, пусть она его накормит.

Остроухие человечки окружили Каррона, заставили его подняться на ноги и повели к Эрите. Мальчишка без усталости вертел головой по сторонам. Он никогда не бывал в этих местах, хотя вместе с чертенком они облазили всю округу. Трава здесь показалась ему более сочной, чем на лугу у реки, деревья – зеленей и раскидистей. Там и сям из травы поднимались небольшие холмики, похожие на кротовины. Проходя мимо одного из них, Каррон по привычке пнул кротовину ногой. Непонятным образом она тут же отворилась, и из-под земли выскочил разгневанный человечек, точно такой же, что сопровождали пленника.

– Чего этот дылда пинает мой дом? – заверещал он, пытаясь достать Каррона кулачками. – Откуда вообще взялся этот верзила?

– Шел бы ты к себе, Вессон, – урезонил недовольного один из конвоиров. – Этот верзила – всего-навсего глупый человеческий ребенок, который, похоже, впервые увидел жилище остроушек. Он – наш пленник, которого велено доставить к Эрите. Не мешай нам выполнять приказ.

Бурча и оглядываясь, Вессон вернулся к земляному холмику и тут же скрылся под ним.

– Ничего себе! – присвистнул Каррон, приглядываясь к ушам конвоиров. – Вы и в самом деле – остроушки! Каргунья рассказывала мне о вас, но я думал, что это – просто сказки. Нет, видимо, я сплю, вы все мне снится!

Мальчишка наклонился и попытался схватить одного из крохотулек. Тот отскочил в сторону, быстро выхватил из кармана горсть зеленоватого порошка и швырнул его в лицо пленника. Каррон чихнул, почувствовав уже знакомый ему сладкий аромат, – и потерял сознание.

Когда он снова открыл глаза, все вокруг было совсем по-другому. Над собой Каррон увидел потолок из очищенных от коры жердей. Стены помещения были из того же, довольно плохо подогнанного друг к другу материала. Скосив глаза, пленник увидел, что к щелям в стенах прильнуло полдюжины остроушек. Они стерегли каждое его движение.

Жилище, в котором на лежанке уложили мальчугана, походило на что-то среднее между избой, какую видел он в соседней деревне, и хлевом, в который летом загоняли своих коров Темные Сестры. С довольно большим очагом и лежанкой здесь соседствовали ясли, полные душистого сена.

«Зачем они положили сюда сено, когда вокруг столько сочной зеленой травы?» – непроизвольно подумалось пленнику.

На широкой лавке напротив очага расположились глиняные кувшины и маленькие мисочки, полные молока. Тут же красовался большой круг сыра и целая стопа лепешек. Из-под потолка свешивалась зыбка, в которой кто-то тихонько посапывал.

– Ну что, вороненок, очнулся?

Каррон повел глазами, стараясь обнаружить и обладательницу мягкого женского голоса, и птицу, к которой она обращалась. Никакого вороненка в помещении не оказалось, зато у себя над головой мальчуган вдруг увидел румяное улыбающееся лицо дородной женщины.

– Тебя ведь Каррон зовут, вороненок? А я – Эрита, кормилица. Вставай-ка, дружок, мне тебя покормить велено.

В животе Каррона тут же заурчало. Еще бы, он не ел целую вечность! Без лишних слов мальчуган набросился на предложенную ему еду: хлеб, сыр и жирную простоквашу в большой кружке. Эрита присела тут же на краешек лежанки и, улыбаясь, наблюдала, как ест ее подопечный. Когда все до последней крошки было съедено, женщина ласково взъерошила волосы на голове Каррона.

– Ты так похож на моего сыночка, вороненок.

От непривычной ласки у Каррона слезы навернулись на глаза. Никто из Темных Сестер не смел до него дотронуться, только Каргунья, а та, должно быть, давно забыла, что это такое – ласка.

– Может быть, я и есть твой сын? – с надеждой заглянул в глаза женщине Каррон.

– Нет, милый, таким был мой сын много лет назад, до того, как меня похитили остроушки. Теперь он уже должен быть почти взрослым мужчиной.

– Так тебя тоже похитили! Зачем?

– Я же говорила тебе: я – здешняя кормилица.

– Разве у остроушек нет своих кухарок?

– Кормилица – это не стряпуха, милый. Вернее, не только стряпуха. Вот я тебе сейчас расскажу...

Глава 5

– Было это довольно давно, лет восемь назад, а может, и больше. Видишь ли, у остроушек время течет по-особому: то тянется медленно- медленно, то вдруг несется – не остановишь. Я слышала, тут можно прожить целую жизнь, а доведется вернуться к людям, окажется – и часа не прошло. Мне-то кажется, что попала я сюда очень давно.

Пасла я как-то свою козочку в Сыром Логу. Сказывали старики, что недоброе это место, остерегаться велели, но уж больно хороша там была трава! Вот и пригнала я по глупости туда свою Звездочку.

Солнце уже на закат пошло, козочка моя полное вымя молока нагуляла, можно бы уже и домой возвращаться. Тут, как на грех, нашла я целую поляну ягоды. Дай, думаю, собираю ягод для сыночка. Пока собирала, Звездочка моя куда-то подевалась. Она смиренная, далеко-то никогда не уходила, а тут – как сквозь землю провалилась. Уж я ее звала-звала, по окрестным кустам шарила-шарила, прислушивалась, не брякнет ли где-нибудь колокольчик козочки. Нет! Пропала коза – и все тут!

Смотрю – смеркаться стало. Я уже в голос реву: как без кормилицы домой возвращаться? Коровы-то у нас не было, но и молока Звездочки на всю семью с избытком хватало. Туман по траве пополз. Я и не заметила, что странный какой-то туман, зеленоватый, мерцающий. Слышу вдруг, вроде козочка моя неподалеку заблеяла. Я – к ней, через туман...

Очнулась уже здесь, у остроушек. Лежу под дубом, коза моя травку рядом щиплет, а кругом – крохотульки веселые скачут, приплясывают. Уж я их просила-просила меня отпустить, плакала, о сыночке толковала, а они – ни в какую! Так и осталась я здесь кормилицей.

Козочка моя весь малый народец молочком обеспечивает, а я кормлю малышей остроушек своим молоком. Детишки у здешних женщин рождаются очень-очень редко, да и те – слабые. Вот и крадут остроушки нас, людей, чтобы нашим молоком своих деток выкармливать. Если бы не люди, давно этот народ со свету сгинул. Они и детей от нас заводят, чтоб кровь свою обновить. Вот и моих сынишек-дочек среди них уже с полдюжины наберется.

Эрита грустно улыбнулась и слегка качнула подвешенную к потолку зыбку.

– А я зачем остроушкам понадобился? У меня и козы нет.

– Зато сам вот-вот вырастешь в молодца-удальца. Оженят они тебя на одной из своих барышень, народятся у вас детки. А может, воевать пошлют со своими врагами, у них тут без конца набеги, да драки. К людям-то уж точно не отпустят, хоть и слышала я, будто они тебя сами не крали, просто воспользовались тем, что ты в их хоровод попал. У них так: либо в круг огненный затянут, либо туман зеленый напустят, а то и порошок свой сонный в глаза швырнут – вот и попался пленник.

Зыбка качнулась, словно в ней кто-то заворочался, и тут же раздались несколько детских голосов. Эрита поднялась, подошла к зыбке и, обернувшись к Каррону, заметила:

– Пошел бы ты, милоч, погулял за дверь: я своих малышей кормить буду. Сегодня – в последний раз, – добавила она грустно.

Каррон встал и пошел к двери, ему и самому уже хотелось размять ноги. Проходя мимо зыбки, он не удержался и заглянул в нее. В небольшой плетеной корзине под кисеей лежало целых четыре младенца! Все они были ростом не более ладони взрослого человека, все – рыже-волосы и остроухи, и только глазами походили на свою мать. Пятого Каррон и не заметил сразу, настолько он был мал и щеделушен. Однако именно его Эрита первым достала из зыбки и, обнажив пышную белую грудь, поднесла к соску. Малыш широко раскрыл на удивление большой рот и буквально повис на груди кормилицы. То, что он – настоящий ребенок остроушки, ради которого и держали в плену Эриту, было видно сразу.

– Эй, ты, не смей подглядывать! – услышал Каррон за спиной сердитый голосок и отпрянул от щели в стене, через которую наблюдал за кормилицей.

На лужайке перед хижинкой он увидел не менее десятка остроушек, которые топтались на месте, ожидая, когда Эрита позволит им войти. У каждого в руках была ноша: кочан капусты, морковь, репа, каравай свежеспеченного хлеба и прочая снедь. Видимо, все это предназначалось для приготовления кормилицей обеда для крохотулек. Тут же неподалеку Каррон заметил белую козу с налитым молоком выменем. Недолго думая, мальчишка протянул руку и выхватил у одного из остроушек аппетитную лепешку. Он уже вонзил в нее зубы, не обращая никакого внимания на возмущенные крики остроушек, как вдруг почувствовал, что сильные пальцы схватили его за ухо и почти подняли над землей.

– Никогда так больше не делай! – услышал Каррон сердитый голос Эриты. – Обед нужно заработать, запомни это раз и навсегда.

– Что-то я не вижу вокруг ни одного работничка! – выкрикнул Каррон, вертясь в крепких руках Эриты и злясь все больше и больше. – И вообще, я – баг, мне работать не положено.

– Ты – просто глупый мальчишка, к тому же избалованный, как я погляжу. Можешь погулять немного. Тебе полезно осмотреться и понять, куда ты попал. Привыкай, милочка, к местным обычаям, а о том, кем ты был раньше, забудь, – добавила кормилица, выпуская из пальцев ухо мальчишки.

Не говоря ни слова, Каррон повернулся и зашагал прочь от хижины Эриты. Он был так сердит, что даже не заметил, куда несут его ноги. Только оказавшись под сенью березовой рощи, мальчишка остановился и огляделся по сторонам.

От белых стволов рябило в глазах. Сладкоголосая иволга печально выводила свои трели. Мягкий ветерок перебирал зеленые листочки, временами переключаясь на порхающих там и сям пестрокрылых бабочек. Каррон почти уже решил, что все, приключившееся с ним в последнее время, – всего лишь сон. Но тут он услышал чьи-то негромкие голоса: мужской и женский. Слов было не разобрать, но говорившие явно спорили. Стараясь не шуметь, Каррон подобрался поближе к говорившим.

В тени поросшего мохом пня сидела женщина в белом платье. Каррон тотчас вспомнил, что уже видел ее совсем недавно, и едва сдержался, чтобы не вздохнуть от огорчения: ничего-то ему не приснилось, он – в плену у остроушек! Как там называли эту женщину? Несравненная! Ну да, именно так. Каррон ухмыльнулся, вспомнив, с каким подобоострастием произносили это имя другие остроушки. Должно быть, она у них вместо бага, – догадался мальчуган. С ним самим разговаривали точно так же обитательницы меловой пещеры.

Странно, но сидевший рядом с багиной остроухий юноша обращался к женщине совсем иначе:

– Нет, Лилиан, не уговаривай меня! Я все равно буду биться за тебя на турнире. Неужели ты думаешь, что я смогу пережить, если кто-то другой прикоснется к тебе? Лучше умереть от меча, чем отдать тебя другому!

– Тебе не выстоять против Кривого Корня, ведь он – самый меткий стрелок! Мечом он тоже владеет превосходно. А как силен Огненная Борода! Если дойдет до рукопашной с ним, тебе не сдобровать. Ну, а Седой Мухомор наверняка припас к турниру какой-нибудь из своих магических трюков. Я не хочу, чтобы ты умирал, Оленья Копыто. Поверь, для меня ты – единственный! Только тебя люблю.

– Но если я не буду драться, тебе придется стать матерью ребенка одного из этих ублюдков!

– Не говори так, любимый. Все они – достойные сыны нашего народа и имеют право претендовать на то, чтобы именно их кровь текла в жилах наследника престола. Но ведь это ничего не значит для нашей любви, правда? Зачать и родить ребенка – мой долг, долг правительницы. Любить же я вольна, кого угодно. Ты – моя любовь, и я хочу, чтобы с тобой ничего плохого

не случилось. Я рожу наследника в положенный срок, а дальше о нем позаботится кормилица. Мы же сможем потом любить друг друга по-прежнему.

– По-прежнему! Нет, я хочу большего, чем твои поцелуи, Лилиан. Я хочу тебя всю – до последнего волоска! Я хочу быть твоим первым и единственным мужчиной. Если я не смогу победить всех соперников, я лучше умру.

– Не говори так, любимый, ты разбиваешь мне сердце! – из глаз женщины потекли слезы, которые Оленье Копыто тут же осушил поцелуями.

Отдышавшись после объятий, Лилиан грустно опустила голову и тяжело вздохнула.

– Я не должна, не имею права делать этого, мой дорогой, и все же я нарушу закон брачного ложа. Мы поступим так...

Тут правительница приблизила губы прямо к уху Оленьего Копыта и что-то зашептала.

Каррон был всего-навсего десятилетним мальчишкой, а любопытство свойственно его сверстникам. Ему так захотелось узнать, что задумала Несравненная, что он подался вперед, хрустнув веткой под ногами.

– Ах, тут кто-то есть! – Лилиан вскочила на ноги, пытаясь разглядеть, что за лось помчался через кустарник прочь от облюбованного ею пня.

– Мне показалось, что это не зверь! – Оленье Копыто выхватил из-за пояса кинжал.

– Если это не зверь – мы пропали!

Каррон бежал, не разбирая дороги. Ветки хлестали его по лицу, одежда цеплялась за сучки, ящерицы и травяные лягушки прыскали из-под ног в разные стороны. Мальчуган и сам толком не знал, чего он так испугался. Ни одна из Темных Сестер никогда не говорила ему, что подглядывать и подслушивать – дурно. Багу можно было все, от него терпели и грубость, и любые капризы. Под покровительством Каргуньи мальчугану было хорошо и удобно, он ничего никогда не боялся. Отчего же теперь он несся по лесу, словно за ним гналась целая свора свирепых псов?

Каррон споткнулся о ствол упавшего дерева и со всего маха растянулся на земле, уткнувшись носом в сыроежку. На мгновение свет померк в его глазах, но потом мальчуган сел и принялся ощупывать разбитые коленки. За этим занятием и застала его Эрита. Кормилица вышла из-за кустов, неся корзинку, полную каких-то неизвестных Каррону пряных лесных трав.

– Чего это ты, милоч, тут расселся? – проговорила женщина, подходя ближе. – Разве я велела тебе забираться так далеко в лес? Здесь ведь и волки водятся, и медведи.

– Ха, думаешь, я не знаю, что летом хищники на людей не нападают?

– Ну, коли ты такой умный, отнеси корзинку в мою хижину: заработай свой ужин.

– Очень нужно! Неси свою корзинку сама, жирная корова!

– Ах, вот ты как разговариваешь со взрослыми? погоди же, паршивец, вот посажу я тебя в коморку с крысами, да подержу там голодного денек-другой. Посмотрим, не научишься ли ты тогда вежливости.

Эрита отвесила мальчугану подзатыльник и больно сжала его плечо своими шершавыми руками.

– От меня не убежишь! – женщина поволокла упирающегося Каррона к опушке.

Крысиная коморка оказалась довольно вместительной, по меркам остроушек, землянкой. Каррону же пришлось согнуться в три погибели, чтобы хоть как-то поместиться в ней. Мальчуган сидел на полу, подтянув ноги к груди и почти упираясь носом в коленки.

Эрита захлопнула тяжелую деревянную дверь и привалила ее снаружи увесистым камнем.

– Подумай на досуге о своем поведении, малец! – послышался сердитый голос женщины, потом раздалась ее удаляющиеся шаги, и все стихло.

– Подумай на досуге! – передразнил кормилицу Каррон, пытаясь устроиться поудобнее. – Конечно, подумаю, только уж точно не о том, как лебезить перед всякими коровами вроде тебя.

И он стал ломать голову над тем, как сбежать из коморки, а потом и вообще от остроушек. Не нравился ему этот народец, совсем не нравился.

Откуда-то из угла вышмыгнула крыса. Она бесстрашно уставилась бусинками глаз на необычного затворника, пошевелила усами, принюхиваясь, и засеменила к ноге Каррона. Мальчуган заметил зверька, когда он уже взбирался по штанине к его коленке.

– Пошла отсюда, скотина! – Каррон стряхнул крысу с ноги и схватил ее за хвост.

Та в ответ впилась зубами в палец.

– Ах ты, стерва вонючая! Кусаться вздумала?

Мальчишка другой рукой схватил зверька поперек туловища и сжимал до тех пор, пока та не перестала дергаться. С отвращением отбросив от себя мертвую крысу, Каррон уперся ногами в дверь, пытаясь отворить ее.

– Ничего у тебя не получится, приятель, хоть ты и велик ростом, – услышал он вдруг негромкий голос из дальнего угла коморки.

– Да тут и говорящие крысы водятся? – не то удивился, не то испугался Каррон.

– Что ты, что ты, я – не крыса! Почкун – разрешите представиться.

– Пачкун? – насмешливо повторил Каррон, припомнив, что так презрительно называли младенцев Темные Сестры.

– Не пачкун, а почкун. От слова – почки. Это моя должность. А зовут меня Снак.

Из темноты выступил пожилой с виду остроушка в помятом зеленом костюме.

– Пачкун Снак – в лужу бряк, – съехидничал Каррон.

– Э, да ты просто невоспитанный мальчишка, разрешите заметить! – разочарованно протянул остроушка.

– Нечего тут замечать. Я – баг, повелитель ведьм из меловой пещеры. Со мной – не шути!

– Ах, как страшно! А не твоих ли Темных Сестер завалило в пещере недавно?

– Завалило в пещере?

– Ну да, завалило в пещере. Думаю, это они о тебе так сильно горевали, что камни не выдержали.

– И никто не вытащил их из-под камней?

– А кому нужны зловерные бабы, разрешите вас спросить? Да они не только всем в округе надоели своими пакостями, но и нашему народу насолить успели.

– Да они о вас, остроушках, и знать не знали, и слышать не слышали! – пытался защитить Темных Сестер Каррон.

– Не знали – не избавились бы от тебя обманом, втолкнув в наш огненный хоровод.

– Рута, – догадался мальчуган.

– Да все они такие! Обозлились на мужчин, вот заодно и весь мир возненавидели. Знаем мы этих воровок!

– Почему это – воровок? – удивился Каррон.

– Воровки и есть. Кто с наших камней провизию воровал, разрешите полюбопытствовать?

– У нас коровы были, огород, мука с мельницы. А про камни какие-то я впервые слышу.

– Может, ты и не слышал, мал еще. А вот при старом баге нам житья не было от Темных Сестричек. Видел ли ты большие плоские камни, разбросанные окрест деревень?

– Я в деревни не ходил! – слукавил Каррон.

– Так вот, с давних времен люди мазали те камни кровью и разжигали возле них огонь – почитали! А мы по ночам устраивали на тех камнях танцы. Народ наш веселый и работающий, разрешите вам доложить. Мы всегда рады были людям помочь. Колосья на полях вверх тянули, помогали им наливаясь. По весне – трясли и щипали почки на деревьях, чтобы они поско-

рее раскрылись. Это мы, почкунуны, делали. Плодуны – те плоды соком наливали, по осени их в яркие цвета раскрашивали. Если нас разозлить, все вокруг поблекнет, завянет, голодные времена настанут.

Люди это всегда понимали, хоть редко кто из них видел нас за работой. Вот почему они самый первый овощ из огорода, самый первый плод или созревший колос несли на плоский камень. Капуста, репа, лепешки, каравай хлеба – все это благодарность за нашу помощь.

А бабье ваше из меловой пещеры повадилось подношения селян себе забирать. Им – сытно, а нам – обидно. Ну, теперь-то уж никто у нас подворовывать не станет!

– Так ты не врешь, что Темные Сестры погибли в пещере? – мрачно прервал словоохотливого остроушку Каррон.

– Разрешите заметить, остроушки никогда не врут, – обиделся тот.

– Я смотрю, ты – и работающий, и правдивый, и то, и се... А чего ж ты в этой коморке вместо крысы сидишь, такой хороший, а, Пачкун?

– Сколько раз тебе повторять, что я почкун по имени Снак, а не тот, кто пачкает под себя?

– Выходи, Снак! – раздался снаружи голос Эриты, и дверь распахнулась. – Надеюсь, теперь ты не спутаешь мою козу с лошадьёю и не будешь скакать на ней по ночам вместо того, чтобы пасти невинное животное подальше от леса?

– Так ты еще и пастух, разрешите поинтересоваться? – передразнил Снака Каррон. – А может, ты – лихой наездник, а, старина?

Снак гордо вскинул остроухую голову и молча прошествовал мимо Каррона к выходу. Мальчишка хотел уже, было, встать на четвереньки и последовать за ним, но дверь захлопнулась прямо перед его носом.

– Тебе еще рановато вылезать из коморки, милоч! – рассмеялась, уходя, кормилица.

В сердцах Каррон по привычке щелкнул пальцами, но ни одна искра не вспыхнула на ненавистной двери.

Глава 6

В лесной чаще на крошечной поляне мерцали огоньки. Пламя необычных голубых свечей образовало правильный круг, обрамляя такое же круглое око лесного родника. Ясноглазка умастила каждую свечу особым ароматным маслом, чтобы отпугнуть от огня глупых ночных мотыльков. Провидица не могла допустить, чтобы хоть одна из двенадцати свечей погасла во время ритуала от массы летящих на ее свет насекомых.

Этой ночи Ясноглазка ждала три года! Именно сегодня луна должна была на короткое время очутиться в самом центре колодца, образованного стволами окружающих Священный Источник деревьев. Отражение Покровительницы Мудрости расположится в центре чаши родника, и тогда наступит мгновение, когда можно напрямую обратиться к ней за советом и получить ответ. Ясноглазка давно поняла, что спросит она у своей покровительницы. Только бы тучи не затянули небо!

Из небольшой корзинки пророчица извлекла пеструю змейку и пустила ее в воду. Ясноглазка знала, что змея – одна из любимиц Мудрейшей, поэтому прибегла к ее помощи. Еще раньше провидица разбросала по поверхности воды дубовые листья. Змея, неожиданно очутившись в холодной воде, оторопела, но потом энергично поплыла к берегу, разгоняя дубовые листья. Ясноглазка замерла в ожидании: если хоть один лист окажется в середине водяного ока, ритуал придется отложить еще на три года!

К счастью, все зеленые кораблики прибило к кромке воды, а змея, выполнив свою миссию, благополучно ускользнула в траву.

Неподалеку раздался крик совы – по спине Ясноглазки поползли мурашки. Ночная охотница прокричала еще раз, ближе, затем еще...

Это был добрый знак! Через мгновение краешек луны показался из-за макушки дуба. Вот он увеличился на глазах, и диск светила заполнил прогал между деревьями. Ясноглазка заглянула в чашу родника. Вода сияла, отражая полную луну и язычки горящих вокруг свечей. Пора!

Ясноглазка опустила на колени, окунула руки в воду и зашептала:

– Мудрая Луна, великая советчица,

Учи меня во сне и в часы бодрствования,

Пошли мне вещие сны и настоящие знамения.

Дай мне свою мудрость.

Я открываю свое сердце и разум тебе, Мудрая.

Я прошу твоего мудрейшего совета,

Чтобы быстрее добраться до цели.

Ответь, почему мой народ ослаб и вырождается?

Что вернет ему былую силу и славу?

Провидица замерла и вся превратилась в слух. Напряжение было так велико, что Ясноглазка очутилась на грани обморока. Погасла одна свеча, потом другая. Ответа не было. Внезапно налетел ветер и принялся яростно трепать пламя свечей, гася их одну за другой. Вот и последняя из двенадцати вспыхнула в последний раз. Именно в это мгновение Ясноглазка услышала, вернее, уловила мелькнувший у нее в голове полуголос – полумысль:

– ЛЮБОВЬ!

Порыв ветра сорвал с головы Ясноглазки покрывало, швырнул его вверх, вслед луне, скрывающейся за ветками деревьев на другом краю поляны. Снова раздался недалекий крик совы. Провидица упала без чувств на землю рядом со Священным Источником.

Очнулась она на заре. Платье намокло от росы, прохладный ветерок запустил зябкие пальцы в рукава и добрался до спины провидицы. Ясноглазка поежилась и поднялась на ноги.

Нужно было спешить. Она еще не знала, что предпринять, но какое-то щемящее чувство подталкивало, торопило ее.

Остроушки были заняты обычными утренними делами. Далеко не все мужчины этого крохотного народца собрались участвовать в состязании за право зачать наследника престола. Отбор самых достойных проходил обычно в течение трех-четырех седмиц до этого и завершался огненным хороводом на лугу за рекой. Не прошедшие отбор остроушки возвращались к повседневным делам. К турниру допускалась отборная дюжина, те, кто был славен умом, силой и здоровьем. Многие из них навещали Ясноглазку, пытаясь заранее узнать исход поединка у провидицы, но все их старания оказывались тщетны. Вещунья наотрез отказывалась заглядывать в будущее и твердила, что каждый из претендентов имеет шанс войти в опочивальню Несравненной.

На самом деле Ясноглазка пыталась прозреть будущее, только почему-то оно не открывалось ей. Вот и теперь она мучительно искала пути воплощения полученного от Мудрой Луны знания.

На следующее утро на пороге своего подземного домика Ясноглазка обнаружила Лилиан. Видимо, правительнице нездоровилось: сероватая кожа лица без тени обычного румянца, круги под глазами свидетельствовали об этом.

– О, Несравненная, что привело тебя ко мне так рано?

Ясноглазка всматривалась в лицо повелительницы и уже знала ответ – сердечные муки.

Однако Лилиан сказала совсем другое:

– Которую ночь не могу уснуть! Приготовь какого-нибудь сонного зелья.

– Ну что ж, приготовлю, только сначала загляну в магический кристалл, чтобы уточнить состав нужных трав.

Лилиан явно занервничала, но возразить не смогла и последовала за ясновидящей в ее жилище.

От обычного подземного домика остроушек оно отличалось тем, что состояло из двух помещений. В одном Ясноглазка жила, в другом – ворожила. Здесь по стенам были развешены пучки сушеных трав, на полках стояло множество горшочков с какими-то снадобьями. В центре помещения на подставке из плоского гранитного валуна красовался огромный кристалл с множеством сверкающих граней.

Ясноглазка зажгла свечу и подошла с ней к кристаллу. Камень принял на себя луч света и в ответ брызнул снопом отраженных гранями искр. Через мгновение он уже светился изнутри переменчивыми огнями. Провидица вглядывалась в кристалл не более минуты. Сначала лицо ее выражало удивление, потом – растерянность и, наконец, радость! Лилиан следила за вещуньей с тревогой.

– О, Несравненная, неправое дело ты затеяла, – Ясноглазка проницательно взглянула на правительницу.

– О каком деле ты говоришь? – взволнованно прошептала Лилиан, а в глазах ее уже металось отчаянье.

– О том, для которого тебе понадобилось сонное зелье.

– Но я не сплю несколько ночей подряд! – робко возразила несчастная женщина.

– Это верно: тебя измучила любовь, ты страшишься необходимости разделить брачное ложе не с тем, кого любишь.

– Но сонное зелье...

– Оно понадобилось, чтобы усыпить того, кто победит в состязаниях, и зачать ребенка от любимого. Но почему Оленья Копыта не хочет честно выиграть в поединке право брачного ложа?

– Ах! – Несравненная в сильнейшем волнении почти упала на пол. – Ты все знаешь!

– Кристалл открыл мне многое. Открой и ты свое сердце, я не враг тебе.

– Я боюсь, – прошептала Лилиан чуть слышно. – Оленье Копыто не настолько силен, чтобы победить всех соперников. Его убьют – и я умру от горя.

– Любовь – великая сила. Мудрая Луна открыла мне причину, по которой хиреет и вырождается наш народ. Наш обычай велит зачинать наследника престола с тем, кто победит в турнире, а не с тем, кого выбрало сердце. Только ЛЮБОВЬ спасет всех нас. Да, Несравненная, ты должна зачать ребенка в любви. Однако нарушать древние традиции ты тоже не в праве.

– Как же быть?

– Нужно, чтобы Оленье Копыто победил в состязаниях.

– Но Кривой Корень, Огненная Борода, Седой Мухомор...

– Зачем перечислять всех претендентов? Для тебя ведь важен только один? Он ведь по-настоящему любит тебя?

– О, да!

– Тогда мы поможем ему превратить любовь в несокрушимую силу.

– Но как?

– Не беспокойся, Несравненная, я найду способ сделать это.

В последний раз с надеждой взглянув на пророчицу, Лилиан направилась к двери. Она не заметила смятения на лице Ясноглазки. А вещунья была близка к отчаянью. Да, обнадежить Несравненную было легко, но как исполнить обещание? Ни одной светлой мысли не возникало в голове.

Тогда Ясноглазка решила прибегнуть к испытанному средству. Пошарив по стене, она нашла пучок сухой травы, перевязанный зеленой тесьмой.

– Вот она, красавка, – удовлетворенно пробурчала вещунья себе под нос. – Лучше было бы положить под подушку свежую траву, да где ее взять на исходе лета?

Ясноглазка хорошо знала, что в эту пору ни за что не найти невзрачных желто-голубых цветов колдовского растения.

– Ну да ладно, думаю, сухая трава тоже сгодится. Сила в ней – великая, а мне и нужно-то чуть-чуть.

В далеком детстве Ясноглазка заблудилась в лесу. Устав блуждать между деревьями, она прилегла на полянке, прямо на траве-красавке. Не ведала девчонка, что трава та ядовита, что слывет колдовской и обладает пророческой силой. Сказывали, что всякий, заснувший на этой траве, приобретает способность предсказывать будущее.

Так Ясноглазка стала провидицей. С тех пор она никогда не расставалась с пучком магической травы. Достаточно было положить былинку под подушку, чтобы увидеть вещий сон. На этот раз, однако, провидица приготовила особое питье, сдобрив его щепотью растертой в порошок сухой красавки.

– Красавка-матушка, помоги, пошли мне вещее виденье, надоумь, как сделать Оленье Копыто непобедимым во всех состязаниях? – шептала Ясноглазка, прихлебывая зелье.

Не успела она допить, как глаза сами собой закрылись, теплая тяжесть разлилась по телу, и провидица провалилась в сон. Спала она недолго, зато, проснувшись, уже знала ответ на свой вопрос.

– Одолень-траву, вот что поможет Оленьему Копыту победить всех соперников.

Ясноглазка задумалась. Она хорошо помнила эту траву с ярко-белыми цветками, растущую в темном лесном озере. Лягушки любили греться на солнышке, выползая на ее круглые глянцево-зеленые листья. Ночью цветы сжимали лепестки в тугий кулачок и опускались под воду, чтобы снова выглянуть утром навстречу светилу. Тот, кто носил волшебные цветки в ладанке у сердца, был непобедим. Питало магический амулет сильное чувство – любовь ли, ненависть ли – все равно. Вот только добыть траву мог тот, кто был зачат непременно в любви.

Провидица задумалась. Вряд ли Оленье Копыто был зачат именно так. У остроушек настолько редко рождались дети, что родителей подбирали старейшины, очень тщательно, учи-

тывая расположение звезд и фазы луны. О какой любви тут можно было говорить? Приуныла Ясноглазка. Простая задача – сорвать и принести цветок для амулета – превращалась в невыполнимую. Мучительно ища выход из создавшегося положения, провидица шагала из угла в угол. Вот взгляд ее упал на магический кристалл. Ясноглазка подошла к нему, положила руки на холодную поверхность, прикрыла глаза.

– Помоги! – взывала она мысленно.

Перед глазами побежали картинки – знакомые лица остроушек. Они мелькали быстро-быстро, уплывая в темноту. Ни на одной физиономии не задержался мысленный взор провидицы. И вдруг – словно вспышка пронзила мозг. Вещунья от неожиданности распахнула глаза – и все равно видение не исчезло. Это была рожица человеческого ребенка, того самого, которого притащили остроушки прошлым утром из ночного хоровода.

Ясноглазка потрясла головой, потерла глаза и только после этого заглянула в глубину магического кристалла. Жизнь мальчишки замелькала чередой картинок, разматываясь назад, в прошедшее. Ясноглазка увидела его в меловой пещере в окружении Темных Сестер, потом – в лохани, плывущей по реке, в колыбели, на руках у светловолосой молодой женщины. И вот – вспышка, которую провидица не спутала бы ни с чем на свете. Это было соитие, зарождение младенца. Да, он зачат в любви! В большой любви.

Ясноглазка облегченно вздохнула и отвела взгляд от магического кристалла. Тот, кто добудет Одолень-траву, – найден! Теперь нужно успеть сделать амулет для Оленьего Копыта. Времени – в обрез. Через день назначены состязания между претендентами на ложе Несравненной.

Ясноглазка вышла из своего домика и послала к Эрите первого попавшегося остроушку – привести человеческого ребенка. За Оленьим Копытом она сходила сама.

Глава 7

– Ну-ка, выходи, негодник! – Эрита распахнула дверь крысиной коморки и просунула в нее голову.

– Вот еще, мне и тут хорошо! – Каррон пошевелил затекшими ногами, но и не подумал вылезти наружу.

– Выходи, выходи, за тобой провидица прислала.

– Ей нужно – пусть сама идет сюда. Я ее крысятинкой угошу! – зло рассмеялся мальчишка и швырнул в Эриту дохлую крысу.

– Нет, милоч, твоего желания никто и не спрашивает. Сказано – явиться к провидице, значит, нужно явиться, не медля.

Эрита протянула в коморку руку и извлекла из нее мальчишку, ухватив его за ухо. Тот покраснел от негодования: никто и никогда не смел обращаться с ним так бесцеремонно! Тем не менее, пришлось идти туда, куда тащила его кормилица – зажатое в крепких пальцах ухо немилосердно болело.

– Хватит трепыхаться, милоч! – Эрита добродушно улыбнулась. – Видно, в детстве тебя мало драли, если ты вырос таким невоспитанным. Ну, не беда, поживешь – пообтешешься. А пока пожуй вот это, проголодался ведь.

Эрита достала из кармана передника по куску хлеба и сыра и протянула Каррону. Тот не заставил себя упрашивать: в животе давно урчало от голода.

Около жилища провидицы Каррон увидел того самого остроушку, который вел любовные беседы с Несравненной в березовой роще.

– Неужели меня заметили и теперь накажут за то, что я подслушал их разговор? – мелькнула неприятная мысль.

Однако Оленье Копыто разглядывал мальчишку с любопытством – и не более. Мальчишка дернул Эриту за юбку:

– Отпусти, куда я не убегу!

– Смотри у меня, – улыбнулась кормилица и, выпустив из пальцев ухо постреленка, отправилась восвояси.

– Тебя зовут Каррон, верно? – провидица подошла ближе.

Ей пришлось задрать голову, чтобы заглянуть мальчишке в глаза. Тот пожал плечами и ничего не ответил.

– Вот это – Оленье Копыто, один из самых храбрых мужчин нашего народа. Ему нужен помощник в деле, не терпящем отлагательства. Ты должен помочь ему.

– Никому ничего я не должен, – начал, было, Каррон грубо, но провидица улыбнулась ему, играя ямочками на щеках.

Сердце мальчишки непонятным образом смягчилось, и он закончил уже вполне миролюбиво:

– Ладно, говори, что нужно делать!

– Пойдете к дальнему лесному озеру и принесете мне растущую в нем Одолень-траву.

– Всего-то! – ухмыльнулся Каррон.

– Ну да, всего-то, только идти нужно сейчас и возвратиться на рассвете.

– Скажи, Ясноглазка, а какая она, эта Одолень-травка? – подал голос Оленье Копыто.

– Днем вы бы ее сразу узнали: цветы у нее крупные белые, словно звезды на воде. Листья – круглые глянцевые, лежат на поверхности озера, что твои блины.

– Э, да я таких цветов сколько угодно нарву, даже пиявок не испугаюсь! – расхвастался вдруг Каррон. Он вспомнил, что однажды уже видел такие цветы в тихом речном омуте.

– Не так все просто, дружок. Ночью цветы прячут свои головки под воду, найти их в темноте будет нелегко.

– А листья что, тоже прячутся?

– Нет, листья остаются на месте.

– Ха, где листья, – там и цветы! А ты плавать умеешь, приятель? – обратился Каррон к будущему спутнику.

– Ему не придется плавать. Олень Копыто доведет тебя до лесного озера, а уж доставать цветы – твоя работа. Говоришь, ты не боишься пиявок?

– Ничего я не боюсь! И плавать умею, на реке вырос. Пошли!

– Постой, я не все еще сказала. Найти цветок – полдела. Сорвать его нужно с приговором, иначе он силу потеряет. Ну-ка, запоминай!

Ясноглазка поманила Каррона пальцем, приказывая ему наклониться, и зашептала в еще красное от пальцев кормилицы ухо слова заговора.

К лесному озеру подошли уже в сумерках. Всю дорогу Каррон пытал остроушку, зачем понадобилась Одолень-трава? Однако Олень Копыто и сам не знал этого, а может, только делал вид, что не знал. Наконец мальчишка отстал от спутника, решив про себя, что загадку эту он все равно разгадает.

– Отойди-ка подальше от берега, да заткни уши! – высокомерно заявил Каррон остроушке, стягивая с себя рубашку.

– Это еще зачем?

– А затем, чтобы ты не услышал, какие слова я буду говорить, доставая траву. Тебе их знать ни к чему, раз Ясноглазка мне на ухо шептала.

– Как знаешь! – Олень Копыто отошел подальше от берега и уселся под старым вязом.

Каррон забрел по щиколотки в воду и огляделся. По берегам озера росли камыши и рогоз, местами расступаясь там, где зверье приходило на водопой. Середина водоема была свободна от растительности и отражала первые звезды. Кое-где из воды торчали коряги, поросшие темными бородами водорослей. Круглые глянцевые листья Одолень-травы маячили у противоположного берега.

Может, обойти озеро кругом? Каррон прикинул расстояние, которое ему пришлось бы преодолеть пешком.

– Нет, поплыву-ка я напрямик, так будет быстрее, – решил мальчуган и плюхнулся в воду.

Видели бы Темные Сестры своего бага! Каррону приходилось всегда с боем вырываться на реку, чтобы поплавать и понырять. Каргунья тряслась над ним и оберегала от любой опасности. И все же мальчишка научился плавать, чем очень гордился.

Вот и заросли Одолень-травы. Круглые листья неприятно скользят по телу, ноги путаются в прочных длинных черешках, похожих на веревки. Каррон опускает поглубже в воду одну руку и начинает шарить, ища сжатые в бутоны цветки. Вот рука его натывается на скользкий комочек.

– Ага, нашелся, цветик колдовской!

Каррон сжимает бутон в кулаке и, наклонившись к самой воде, начинает шептать нехитрые слова заговора:

– Одолень-трава, белая голова,

Спряталась в глубине.

Иди в руки ко мне!

Вырву тебя из ила.

Твоя сила – моя сила!

С последними словами мальчишка рванул цветок, что было сил. Прядь тонких зеленых водорослей оказалась у него в руке вместе с заветным бутонем.

– Мне бороду рвать! – услышал вдруг Каррон чей-то голос, вперемешку с бульканьем поднимающихся из тины пузырей.

В следующее мгновение перепончатые пальцы схватили его за ногу и потянули под воду. Мальчуган забился, вопя от страха и пытаясь вырваться из плена. Олень Копыто невозмутимо взирал на него с берега и зажимал, как было велено, уши руками.

– Помоги! Да помоги же, тону! – кричал Каррон, отплеываясь от заливающей рот и нос воды.

Вот уже вторая рука обхватила его за плечи, потянула в глубину.

– Сгинь, проклятый! – заорал из последних сил мальчишка и заколотил кулаком с зажатой в нем Одолень-травой по противнику.

Его отпустили! Каррон саженками поплыл к берегу, не веря своему счастью. Выскочив на траву, он помчался под защиту деревьев.

– Эй, ты рубашку забыл надеть! – услышал он голос Оленьего Копыта.

Остроушка догнал Каррона только на лесной опушке.

– Чего это ты выскочил из озера, словно тебя водяной за ногу схватил?

– Водяной? Это был водяной!

– Что, в самом деле? Ну, и трусишка же ты! – Олень Копыто подтрунивал над спутником, не понимая, что тот, в самом деле, напуган до смерти.

– Ты, ты – хуже, чем трус! Почему ты не пришел мне на помощь? Разве ты не слышал, как я тебе кричал?

– Ты же сам велел мне заткнуть уши!

– А глаза ты тоже заткнул?

– Нет, я просто мечтал. Когда мечтаешь – не замечаешь, что творится вокруг.

– Ну, ты и скотина! Знать тебя не желаю! – Каррон повернулся к спутнику спиной.

– Не сердись, приятель, – миролюбиво проворчал Олень Копыто. – Пойдем-ка поскорей отсюда: светает.

В самом деле, нужно было торопиться. С первыми лучами солнца Каррон уже стоял перед провидицей и протягивал ей добытую траву.

Ясноглазка улынулась, ямочки заиграли на ее щеках. Это была единственная награда, которая досталась Каррону.

– А ты придешь ко мне вечером, когда загорится первая звезда, – обратилась вещунья к Оленьему Копыту. – Думаю, к тому времени твой талисман с Одолень-травой будет готов.

Так это ради него Каррон рисковал жизнью! Ради талисмана, предназначенного бездельнику-остроушке, он натерпелся страху!

Мальчишка был просто взбешен.

– погоди, я тебе припомню, все припомню, приятель, – прошипел он сквозь зубы. – Будешь знать, как бросать меня в беде, а потом еще и насмехаться!

До вечера Каррон бродил по холму, заселенному остроушками. Заглянув к Эрите в обеденное время, он увидел, как забирали ее малышей. Кормилица своими руками достала из зыбки всех пятерых и, перецеловав на прощанье, передала остроушкам – нянькам. Из глаз кормилицы не скатилось ни единой слезинки.

– Зачем они забрали твоих крох? – поинтересовался Каррон, получая от Эреты краюху хлеба и миску овощной похлебки на обед.

– Я должна подготовиться к свадьбе.

– Причем здесь ты, ведь это свадьба правительницы остроушек?

– Это и моя свадьба, милоч, – грустно вздохнула женщина. – Те, кто проиграет в состязании за право брачного ложа Несравненной и останется при этом в живых, станут моими женихами. Так делают, чтобы обновить кровь вымирающего народа.

– Ха-ха-ха, представляю, какой турнир ты устроишь на кухне своим женихам! – развеселился Каррон. – Должно быть, они будут скакать на козе, и драться сковородками?

– Не смешно! Все, кого отвергнет Несравненная, имеют на меня одинаковые права. О, это настоящий кошмар! Слава Богам, я в состоянии выносить и родить только четверых детишек!

– Но в зыбке у тебя было пятеро!

– Самый маленький – сын остроушек, чистокровный представитель своего народа. Молоко у них жидковато, вот и держат меня здесь в качестве кормилицы.

– Выходит, у остроушек две дойные козы! – расхохотался Каррон. – Нет, коза одна, а ты – толстая дойная корова!

Эрита шлепнула шутника мокрой тряпкой. По щекам ее покатались слезы.

– Эх, была бы моя воля – и часу здесь не осталась. Как-то мой сыночек живет без мамки там, в родной стороне?

– А что, убежать отсюда никак нельзя?

– Через зеленый туман ходу нет.

Не дожидаясь, когда на небе появятся звезды, Каррон спрятался в кустах неподалеку от домика провидицы. Точно в назначенное время явился и Олень Копыто. Ясноглазка вышла из своего жилища и, оглядевшись по сторонам, протянула остроушке крохотный зеленый мешочек на длинном шнурке.

– Это – твой талисман, – пояснила она. – В мешочек я положила добытую мальчишкой Одолень-траву. Тот, кто носит такой оберег, становится непобедимым. Наденешь его перед турниром – и непременно завоюешь право на брачное ложе Несравненной.

Олень Копыто опустился на одно колено, принял талисман из рук провидицы и поцеловал его.

– В ночь перед состязанием положи амулет под подушку, он даст тебе силы и уверенность в победе, – наставляла Ясноглазка.

Олень Копыто еще раз поцеловал талисман и, поблагодарив провидицу, удалился.

– Теперь я знаю, как отомстить этому негодяю за то, что он не пришел мне на помощь, да еще и насмеялся! – Каррон незаметно выбрался из кустов и пошел за остроушкой, чтобы узнать, где он живет.

Глава 8

К началу состязаний остроушки собрались у реки. Их было так много, что Каррон, пробираясь поближе, все боялся наступить на кого-нибудь из них. Неподдалеку от воды на причудливой коряге восседала Несравненная. Она была одета в прекрасное белое платье с зеленой отделкой, остроконечную зеленую шляпу с широкими полями и зеленую накидку. Рядом с повелительницей сидела Ясноглазка в скромном неброском наряде. Кормилицы нигде не было видно.

Напротив невесты выстроилась дюжина женихов. Это все были крепкие, мускулистые ребята, за исключением одного. Почтенный возраст его выдавала рыжая с проседью борода и словно усохшее тело.

– А этот старый пенек что тут делает? – удивился вслух Каррон. – Тоже мне – жених! Да из него уже песок, должно быть, сыпется.

– Ш-ш-ш! – зашипели на него со всех сторон. – Это же Седой Мухомор! Он владеет магией, так что придержи-ка язык, пока он не отсушил его тебе.

– Он ваш баг? – не унимался мальчишка.

Ответа не последовало: состязания начались.

Огласили имена претендентов на ложе. Каждый из называемых подходил к невесте, опускался на одно колено и целовал Несравненной руку. Последним подошел Олень Копыто. Каррон заметил, как он нежно взглянул на невесту и непроизвольно коснулся рукой висящей на шее ладанки.

– Ха-ха-ха! – посмеялся в душе мальчуган. – Надеешься, что Одолень-трава поможет тебе победить соперников? А мне ты помог справиться с водяным? Вот теперь сам расхлебывай эту кашу!

Каррон нащупал в кармане тугую головку заповедного цветка. Он-таки сумел вытащить его из ладанки прошлой ночью! Олень Копыто даже не заметил, что висящий у него на шее мешочек – пуст. Тем хуже для него! Не будет насмехаться над багом!

Между тем распорядитель турнира объявил о начале первого состязания.

– Это – самое легкое! – судачили зрители вокруг Каррона.

– Не скажи, после него и половины претендентов не останется.

– Что ты, быть такого не может! Разве трудно скакать на лошади?

– На лошади! – Каррон наострил уши. – Неужели у крохотулек есть лошади?

А по лугу уже разносился звон бубенчиков. Ведомая десятком крохотулек, показалась одна-единственная пегая кобыла. Это была настоящая большая лошадь, видимо, ее привели из-за реки через зеленый туман. Ни седла, ни сбруи на животном не было. На шею лошади накинули веревку, конец которой и находился в руках приведших ее остроушек.

– Как же можно скакать на лошади, даже не взнуздав ее? – удивился Каррон.

– Может быть, ты думаешь, что здесь не турнир женихов Несравненной, а просто народное гуляние? – презрительно ответил ему один из зрителей.

– В том-то и фокус, что продолжат состязания лишь те, кто удержится на лошади, – подхватил другой.

– А проскакать нужно не менее десяти кругов, – добавил третий.

– А-а-а, теперь понятно! – Каррон пожал плечами, а сам не мог глаз оторвать от лошади.

Как ему хотелось оказаться на спине скакуна и промчаться на нем с гиканьем, как делали деревенские мальчишки! Он бы вцепился руками в гриву и обошелся без уздечки.

Женихи подошли к лошади и окружили ее. Они о чем-то немного поспорили между собой, потом кинули жребий. Тот, кому выпал первый номер, отошел подальше, разбежался

и прыгнул прямо на спину кобылы. Та недовольно фыркнула, но осталась стоять на месте. Видно, животное уже привыкло к подобным прыжкам.

Второй наездник не просто вскочил на лошадь, а перевернулся при этом через голову, ловко приземлившись на обе ноги. В толпе остроушек послышались одобрительные возгласы.

– Молодчина Кривой Корень, здорово он на лошадь вскочил!

– Да он – лучший наездник, кто же этого не знает!

– Остроглазый – не хуже. Посмотрим, что он придумает.

Каждый из женихов норовил поразить зрителей и, конечно, Несравненную своей ловкостью. Только Седой Мухомор приставил к крупе лошади деревянную лестницу и невозмутимо забрался по ней под улюлюканье остроушек.

Когда все двенадцать претендентов оказались на лошади, с нее сняли веревку и стегнули хворостиной. Кобыла лениво затрусила по кругу. Сидящие на лошадиной спине наездники изо всех сил старались не сползти в сторону. Они сжимали ноги, вонзая в кожу животного шпоры, хватались друг за друга, а Седой Мухомор перевернулся задом наперед и схватился за лошадиный хвост.

Почувствовав уколы шпор, лошадь ускорила бег. Вот она перешла на галоп, и всадники посыпались на землю один за другим.

– Один, два, три! – считали зрители упавших на землю наездников.

– Четыре, пять, шесть! – вторили им те, кто считал круги, которые проскакала лошадь.

После десятого круга на спине кобылы чудом удержалось семеро всадников. Среди них был и Олень Копыто.

– Следующее состязание – стрельба из лука! – провозгласил распорядитель.

На луг вынесли семь березовых чурбаков – по числу оставшихся участников турнира. Их установили на довольно большом расстоянии от соревнующихся. Каждому вручили лук и пять стрел.

Женихи выстроились в ряд, изготовились и по сигналу распорядителя выпустили первую стрелу. Все семь стрел вонзились в чурбаки. Пока стрелки готовились к следующему выстрелу, чурбаки отодвинули дальше на десяток шагов. И снова все стрелы попали в цель. Выстрел следовал за выстрелом, чурбаки каждый раз отодвигали все дальше. Зрители уже не видели, какие из стрел попали в цель, а какие – нет. Наконец колчаны опустели, а чурбаки с торчащими из них стрелами принесли на обозрение Несравненной. Только в пяти из них торчали все пять стрел. Несравненная с тревогой ждала, когда объявят имена выбывших из состязания. Оленьего Копыта среди них не было.

– Не понимаю, как это Ясень промазал – он ведь хороший стрелок! – возмутился один из соседей Каррона.

– Самый лучший-то – Кривой Корень!

– Я был уверен, что уж Мухомор – точно пару стрел мимо пошлет.

– Да он, должно быть, стрелы заговорил. Все знают, что Седой Мухомор владеет магией!

– Но ведь правилами запрещено ею пользоваться!

– А ты поди, докажи, что он заговор шепчет, а не просто губами шевелит или молится!

Вот увидишь, он и кинжалы заговорит!

– Но уж в рукопашной ему против Огненной Бороды не выстоять даже со всеми колдовскими штучками.

– Это точно. Я думаю, Огненная Борода всех победит.

– Еще бы – вон он какой медведь!

– Доброе семя у такого мужчины. Именно такой и нужен Несравненной.

«Как бы не так! – усмехнулся про себя Каррон. – Ей как раз не такой нужен. Только вряд ли Олень Копыто выйдет победителем без своего талисмана».

А на поляну уже выносили большой деревянный щит. Его установили вертикально, укрепив между вкопанными в землю столбами. Снизу к щиту была прикреплена длинная узкая коробка с крышкой, назначение которой не было загадкой ни для кого, кроме Каррона. Мальчишка же ее просто не заметил. Он во все глаза смотрел в другую сторону, туда, где женихи готовились к следующему испытанию.

Каждый из них получил от распорядителя пять сверкающих на солнце кинжалов. Каждый опробовал пальцем острие оружия, покрутил его в руках, приравнивая к весу и особенностям рукоятки. Седой Мухомор попытался, было, пошептать что-то над каждым из клинков, но распорядитель тут же пресек его магические штучки.

– Пользоваться магией запрещено! Нарушитель правил турнира будет признан побежденным и не допущен к следующим состязаниям! – провозгласил он.

Седой Мухомор недовольно сверкнул глазами, но послушаться не посмел. Кроме того, всех участников турнира тут же пригласили занять места у черты напротив щита.

Толпа зрителей замерла. Было слышно, как в лесу чирикают птицы, как посвистывает ветер. У самого щита раздавались непонятные шорохи и скрежет.

Вот распорядитель состязаний подошел к щиту и откинул крышку коробки. Пока он отбегал в сторону, участники турнира взяли в руки кинжалы и приготовились метать их. Только теперь Каррон обратил внимание на то, что рукоятки кинжалов у каждого из пяти – разного цвета. Седой Мухомор сжимал в руке фиолетовую, Огненная Борода – красную, Кривой Корень – черную, Остроглазый – синюю, Олень Копыто – белую рукоять.

Сигнал к началу состязания прозвучал, когда из ящика показалась первая движущаяся цель. Это был крупный рогатый жук, каких полно в лесу в эту летнюю пору. За первым жуком последовал второй, третий, четвертый. Они неторопливо перебирали лапками и карабкались вверх по деревянному щиту.

Первым метнул свой кинжал Седой Мухомор. Перевернувшись несколько раз в воздухе, клинок вонзился в спинку жука, пригвоздив его к настилу.

– А-а-а! – радостно завопила толпа зевак.

Замелькали разноцветные рукоятки кинжалов остальных участников состязаний. Захрустели пронзаемые металлом жуки.

– А-а-а! – голосили зрители, подбрасывая в возбуждении вверх свои шапки.

Через несколько минут все было кончено. В щите торчали кинжалы, однако, не каждый из них пронзал жука. Невредимые рогачи поднимались все выше и выше. Достигнув верха щита, они расправляли крылышки и, басовито жужжа, улетали к лесу. Пара кинжалов лежала на земле. Оружие даже не долетело до щита. Оба кинжала были с фиолетовыми рукоятками.

– Седой Мухомор выбывает из состязаний! – объявил распорядитель, поднимая кинжалы с земли и показывая их Несравненной.

Повелительница равнодушно пожала плечами и что-то шепнула на ухо Ясноглазке. Она не заметила злобного взгляда, который кинул на нее уходящий с поля Мухомор.

– Следующее состязание – рукопашный бой! – голос распорядителя был полон особой торжественности. – Первая пара – Олень Копыто и Остроглазый: каждый из них поразил по пять жуков. Огненная Борода попал в четырех, а Кривой Корень – в трех жуков. Они составят вторую пару. Победители в каждой паре допускаются к последнему состязанию – битве на мечах!

– Эх, жалко Остроглазого: не дожить ему до вечера, – огорченно вздохнул кто-то рядом с Карроном.

– Если Олень Копыто уложит Остроглазого, то распрощаться с жизнью придется как раз ему, – возразил другой. – Не думаю, что ему удастся устоять в битве на мечах, кто бы ни победил во второй паре – Огненная Борода, или Кривой Корень.

– Я бы на его месте поддался Остроглазому: любиться с кормилицей вместо Несравненной все же лучше, чем лежать на лугу с мечом в сердце!

– Нет, Олень Копыто упрямый, он не поддастся. А ты, дружище, трус известный, потому ты здесь, а не там, среди бойцов!

– Вот еще, стоит ли рисковать жизнью за одну ночь с Несравненной? Я и без этого вполне могу обойтись.

Рукопашная началась. Зрители окружили дерущихся таким тесным кольцом, что распорядителю приходилось расталкивать их. Несравненная вытягивала шею, пытаясь разглядеть, что же происходит на лугу. Лицо ее побледнело, пальцы впились в руку сидящей рядом Ясноглазки.

– Не волнуйтесь, Несравненная! – шепотом уговаривала ее провидица. – Исход битвы предрешен, Олень Копыто победит, ведь у него в ладанке – Одолень-трава!

В самом деле, Олень Копыто довольно быстро одолел противника.

– Остроглазый решил поостеречься, – судачили в толпе.

– У него хватило ума сообразить, что исход турнира решается в другой схватке.

– Смотри, смотри – Огненная Борода повалил Кривого Корня! Бей его, бей!

– Корень! Корень! – орала охрипшие глотки.

Кривой Корень извернулся и выскользнул из-под навалившегося на него противника. Вот он уже колотит Огненную Бороду кулаками, сбивает его с ног.

– Корень, Корень! – подбадривают бойца зрители.

– Нечестно, была подножка! – орут другие.

Огненная борода, зарывав по-медвежьи, поднялся на одно колено и со всего маха вонзил кулачище в живот Кривого Корня.

– Ах! – отозвалась толпа.

Кривой Корень закатил глаза и рухнул спиной на землю. Огненная Борода устало поднялся на ноги и повернулся к поверженному сопернику спиной. Он не сомневался в том, что бой окончен: мало кто мог устоять против такого удара!

Толпа бесновалась, орала, ликовала! Никто не обращал внимания на то, что Несравненная находится в полубморочном состоянии.

– Я не хочу, я не хочу, чтобы Олень Копыто погиб! – шептала несчастная невеста. – Прекратите состязания, пусть брачное ложе достанется Огненной Бороде.

– Никак нельзя прекратить турнир! – Ясноглазка вытирала бледные щеки повелительницы платком. – Осталось одно состязание, только одно. Олень Копыто победит, точно победит!

А распорядитель уже нес мечи. По правилам последний бой был боем на смерть. Кое-кто из слабонервных зрителей уже покидал поле, тем более, что исход поединка ни у кого не вызывал сомнения. У Оленьего Копыта не было ни единого шанса устоять против Огненной Бороды!

Мечи воткнули в землю напротив того места, где сидела Несравненная. Огненная Борода первым поднял над головой оружие. В его крепких руках меч выглядел просто невесомым. Олень Копыто, напротив, поднял меч с некоторым усилием. Было видно, что оружие слишком тяжело и неудобно для него. И все же юноша смело глядел на противника. Лишь на одно мгновение прикоснулся он рукой к заветной ладанке на груди, но этот жест не остался незамеченным. Седой Мухомор криво усмехнулся и что-то пробурчал себе под нос. А Каррон даже не скрывал своего злорадства. Вот сейчас он будет отмщен!

– Отольются кошке мышкены слезки – так, кажется, любила говаривать старая Каргунья?

– Сходитесь! – подал знак распорядитель турнира.

Огненная Борода с размаха опустил свой меч. Он не желал церемониться, он хотел покончить поскорее с этим юнцом, не знающим даже вкуса женщин! Однако меч силача был встречен и отражен, а ответный удар оказался стремителен и ловок.

– Получай! – взревел Огненная Борода, не ожидавший такого отпора.

Олень Копыто отскочил в сторону, так что противник чуть было не упал, потеряв равновесие. Удар, еще удар – звон мечей с трудом доходил до сознания Несравненной. И все же она поняла, что любимый еще жив, что он сражается за право быть с ней на брачном ложе.

– Он победит, обязательно победит! – шептала на ухо вещунья.

Как можно было не верить ясновидящей! Как хотелось ей верить!

Бой длился невыносимо долго. Молодой и ловкий, Олень Копыто изматывал противника, и без того утомленного рукопашной схваткой. Вот Огненная Борода совершил один промах, вот меч соперника рассек кожу у него на руке.

– Бей его, бей! – орали вокруг, и непонятно было, кого из дерущихся поддерживает толпа.

Луч солнца, отразившись от меча Оленьего Копыта, ослепил на мгновение уставшего силача. Этого было достаточно для того, чтобы смертоносное оружие противника нанесло ему роковой удар. Огненная Борода рухнул на землю с рассеченным черепом.

– Ох! – одновременно выдохнула толпа.

– Ух! – облегченно вздохнула Несравненная, возвращаясь к жизни.

Олень Копыто стоял над поверженным соперником и сжимал в руках окровавленный меч. По его щекам медленно текли слезы.

Глава 9

– Тра-ля-ля, тру-ля-ля! – во все горло распевали остроушки, приплясывая и хлопая в ладоши.

– Динь-динь-дон, динь-динь-дон, – звенели колокольчики на шее белой козы Эриту.

В этот день – день очередной свадьбы ее хозяйки – козу вычистили особо тщательно, украсили ее рога гирляндами полевых цветов, натерли до блеска колокольчик. После дойки животное впрягли в легкую тележку, украшенную ромашками и васильками, в которую уселись все десять проигравших турнир женихов. Теперь им предстояло ответственное дело: засеять ниву кормилицы своим семенем, чтобы пополнить, таким образом, ряды остроушек-воинов, состоящие исключительно из полукровок.

Шумная процессия, к которой присоединился и Каррон, направлялась к жилищу Эриту. Мальчишке было любопытно, как происходят свадьбы, ведь раньше он никогда не видел ничего подобного. Мало того, он надеялся разузнать, что делают мужчины и женщины на брачном ложе? Этот вопрос не давал ему покоя с тех самых пор, как Ибрит стала намекать ему о каких-то особых обязанностях бага.

Коза подвезла тележку к хижине кормилицы и терпеливо ждала, когда же из нее выгрузятся пассажиры. На пороге показалась Эрита. Губы женщины улыбались, но глаза были грустными-прегрустными!

– Добро пожаловать в мою светелку! – поклонилась Эрита женихам.

Те, соблюдая очередность, установленную жребием, важно прошествовали в хижину. Эрита затворила дверь, но сопровождающие женихов остроушки и не думали расходиться. Они облепили хижину со всех сторон, припали глазами к щелям в стенах и притихли в предвкушении интересного зрелища.

Каррон тоже заглянул в «светелку». У лавки молча стояла Эрита. Ее большие мягкие руки безжизненно упали вдоль туловища. Вокруг суетились женихи. Они развязывали тесемки на одежде невесты, стягивали с нее рубаху и сарафан, распускали заплетенные в косы волосы.

Когда Эрита была полностью обнажена, женихи тоже начали снимать с себя одежды. Седой Мухомор, устыдившись своего сморщенного тела, дунул на свечу. Хижина погрузилась в темноту.

– Э-э-э! – разочарованно вздохнули зрители и один за другим стали расходиться в разные стороны.

Каррон не слишком расстроился. Обнаженная женщина не было для мальчугана новинкой: он часто наблюдал, как Темные Сестры купаются в реке.

– Что я, голой бабы не видел? – пробурчал Каррон и побрел прочь от хижины. – Может быть, удастся посмотреть на свадьбу правительницы?

– Об этом и не мечтай! – заметил один из шагающих рядом остроушек. – Брачное ложе Несравненной – не для посторонних глаз. Тебя и близко не подпустят к ее покоям.

– Подумаешь, не подпустят! Да я и сам уже не хочу туда идти.

– Вот и правильно. Пойдем-ка, парень, отведаем праздничного угощения!

Там, где днем проходили состязания, уже стояли длинные столы с обильной едой. Тут же с фонариками в руках танцевали остроушки. Казалось, никому из них не было никакого дела до Несравненной и Оленьего Копыта, которые на закате уединились.

– Любимая! – юноша с невыразимой нежностью взглянул на Лилиан. – Неужели это не сон? Ты – моя, только моя!

– Я чуть не умерла от страха за тебя сегодня на турнире. Какое счастье, что все позади! Олень Копыто нахмурился:

– Наше счастье оплачено жизнью Огненной Бороды. Я убил его, чтобы быть твоим мужчиной. А ведь он – мой учитель в ратных делах.

– Не нужно вспоминать о плохом, любимый! Каждый из претендентов на брачное ложе был готов отдать за это жизнь. Тебе повезло больше других.

– Если бы не Одолень-травы...

– Молчи! – Лилиан прижала пальчик к губам юноши.

– Ну уж нет, пусть скажет, что за магический оберег находится в его ладанке!

Скрипучий голос Седого Мухомора прогремел, словно гром среди ясного неба. Как удалось ему проникнуть в жилище Несравненной?

– Ты осмелился нарушить закон и помешать нашему уединению на брачном ложе? – негодованию Несравненной не было предела.

– Это он нарушил закон и воспользовался магией! – палец Седого Мухомора вытянулся в сторону Оленьего Копыта. – Я пришел, чтобы оспорить право этого юнца на брачное ложе.

– Почему ты не у кормилицы? Пошел прочь, к Эриту!

– Мое место здесь, Несравненная. По крайней мере, до тех пор, пока я не выпотрошу ладанку этого пройдохи!

Седой Мухомор подскочил к ложу и сорвал оберег с шеи Оленьего Копыта.

– Ну-ка, что там: Одолень-травы?

– Ах! – Лилиан побледнела и лишилась чувств.

– Не смей! – Олень Копыто спрыгнул с ложа и попытался вернуть свое сокровище, однако проворные пальцы Седого Мухомора уже выворачивали крошечный мешочек.

– Странно, тут ничего нет! – озадаченно пробормотал Седой Мухомор, вертя ладанку перед глазами так и этак.

– Странно, тут ничего нет! – Олень Копыто не знал, радоваться или огорчаться тому, что магический цветок бесследно исчез из его ладанки.

– Ничего странного! – в опочивальню вошла Ясноглазка и вырвала оберег из рук Седого Мухомора. – Олень Копыто победил в честной борьбе, чего не скажешь о тебе, старый пень! Не ты ли заговорил стрелы и пытался проделать то же с кинжалами? А теперь ты явился сюда, потому что даже на Эриту у тебя не хватило сил. Власть захотел, не так ли? Тебе ведь не повелительница нужна, а ее власть. Ну, так знай – не бывать этому! Я тебя насквозь вижу. Ничего у тебя не выйдет.

Олень Копыто опомнился и вышвырнул Седого Мухомора из покоев Несравненной.

– Но как же так? – повернулся юноша к вещунье.

– Ты и в самом деле честно победил своих соперников, – улыбнулась Ясноглазка. – Одолень-травы в кармане Каррона. Это он стянул оберег, хотел наказать тебя за то, что ты не помог ему отбиться от водяного. Выходит, мальчишка невольно оказал тебе услугу.

– Ты все знала – и не предупредила меня?

– Конечно, знала и помогла тебе победить в турнире, не нарушая закона. Ты недоволен?

– Да чего уж там! – Олень Копыто махнул рукой и вернулся к Лилиан.

Ясноглазка еще раз улыбнулась и тихонько покинула опочивальню. Тайна брачного ложа должна была оставаться тайной даже для нее.

Давным-давно смолкли на лугу веселые песни остроушек. Погасли фонарики. Все разбрелись по своим жилищам.

Каррон сидел у реки и следил за тем, как дробилось отражение звезд в легкой водной ряби. На душе мальчугана было тоскливо. Он чувствовал себя таким одиноким, таким чужим в этом странном мире!

Вдруг кто-то негромко фыркнул у него за спиной. Каррон вскочил на ноги, обернулся. В темноте он различил силуэт пасущейся лошади. Да-да, это была самая настоящая лошадь, та, на которой скакали претенденты на ложе Несравненной.

Не веря своему счастью, мальчишка подобрался к животному, прикоснулся к шелковистой коже на его шее. Лошадь подняла голову, шумно втянула ноздрями воздух и переступила с ноги на ногу.

– Лошадка, лошадушка моя! – Каррон гладил морду лошади, обнимал ее за шею. – Ты позволишь покататься на тебе?

Лошадь покосилась на мальчишку лиловым глазом и тихонько заржала. Каррон неумело взобрался на лошадиную спину, вцепился руками в гриву и слегка толкнул пятками упругие бока. Лошадь послушно затрусила по лугу. Оказалось, что удержаться на «скакуне» было не так-то просто. Каррон без конца съезжал то на одну сторону, то на другую, рискуя свалиться под копыта. И все же он удержался. Мало того, довольно быстро мальчуган освоился настолько, что стал получать от езды настоящее удовольствие. Наконец-то его мечта сбылась!

– Эге-гей! – Каррон пригнулся к шее лошади и уже смелее сжал ногами ее бока.

Лошадь помчалась по лугу, потом повернула к холму, в котором жили остроушки.

– Эге-гей! – вопил Каррон, не помня себя от счастья.

Вслед ему неслись другие вопли: ругательства, проклятия. Это остроушки, чьи жилища попали под копыта лошади, выскакивали из-под обвалившихся сводов и бежали следом, отнюдь не молча.

Наконец лошадь изловили, Каррона связали и заперли в уже знакомой ему крысиной коморке. Наутро он был доставлен к Несравненной, чтобы та назначила преступнику достойное наказание.

Каким счастьем светились глаза Лилиан! После ночи любви она выглядела по-настоящему Несравненной. Кажется, она не совсем понимала, чего хотят от нее эти сердитые остроушки – ее подданные. Все они кричали разом и тыкали пальцами в Каррона.

Правительница улыбнулась человеческому ребенку: если бы не он, не бывать Оленьему Копыту ее супругом! Нужно наградить мальчугана. Вот только окружающие зачем-то требуют для него наказания.

С большим трудом заставив себя вернуться в реальность из мира любовных грез, Несравненная вслушалась в крики остроушек.

– Он разрушил наши жилища – накажи его!

– Он без разрешения скакал на лошади – накажи его!

– Он груб и неучтив – накажи его!

– Он отобрал принесенную мной лепешку – накажи его!

– Накажи, накажи, накажи! – неслоь отовсюду.

«Да, видимо, с наградой придется повременить! – подумала Несравненная. – Наказать озорника необходимо – этого требует закон. Как же быть?»

– Я приняла решение! – от звука голоса правительницы крики остроушек сразу же смолкли. – Каррон отправится в Сырой Лог за травой для козы Эриты. Он должен заготовить сена на целый год.

– Да я никогда в жизни косу в руках не держал! – попробовал возразить мальчишка. – И вообще, зачем козе сено, если кругом столько сочной зеленой травы?

– Молчи, негодник! – зашикали на Каррона остроушки.

– С Несравненной нельзя спорить, хотя наказание, выбранное ею для тебя, слишком мягкое.

– Ну, если учесть, что ему придется отправиться в Сырой Лог...

– А хоть бы и к черту на рога! Заслужил наказание – пусть потрудится.

– Отведите Каррона к Эрите, она покажет мальчонке, какую траву следует рвать, – распорядилась правительница.

Ранним утром следующего дня Каррон был уже в Сыром Логу. Вся его одежда промокла от обильной росы. Ежась от холода, мальчонка с ненавистью разглядывал буйное луговое разнотравье.

– Все у этих остроушек – не как у людей. Зачем, спрашивается, кормить козу волшебной травой? Ну, молоко от этой травы вкуснее, ну, доится скотинка круглый год без перерыва, ну, козла ей не нужно, и козлят у нее не бывает. Глупые остроушки! Привели бы козе козла, пасли бы их на своих лугах, появились бы козлята – целое стадо! И молоко, и мясо – все свое. Никакого волшебства. Темные Сестры так же поступали со своими коровами. Так нет: отправляйся в Сырой Лог, ищи нужные травки, рви их руками, суши на солнце, собирай в копны. Как же сбежать отсюда?

Каррону не сказали, что в Сыром Логу за болотом живут настоящие ведьмы, которые терпеть не могут остроушек с их привередливой козой. Если бы мальчуган знал, какой опасности он подвергается, ни за что бы не пошел за волшебной травой!

Вспомнив слова Эреты о том, что через зеленый туман ходу нет, а значит, сбежать не получится, Каррон вздохнул и присел на корточки.

– Ну, где же эта трава? Если придется по одной былиночке искать ее в лугу, я и за три года не наберу копны.

Оказалось, что нужной травы было достаточно много. Уже спустя несколько минут в руках Каррона оказалась целая охапка тонко пахнущей зелени с невзрачными белыми цветами. Мальчуган отнес траву на пригорок, где ветерок должен был высушить ее, а сам снова спустился к болоту.

Через некоторое время Каррон проголодался и решил посмотреть, что Эрита положила для него в узелок. Он хорошо помнил, что оставил еду на кочке. Вот только как отыскать ту кочку среди десятков таких же?

Ругая себя за беспечность, мальчуган бегал от кочки к кочке, раздвигал траву, надеясь обнаружить в ней свалившийся узелок, – все тщетно. В животе уже немилосердно урчало, рот наполнился слюной.

– Ну, где же этот проклятый узелок? – Каррон в сердцах пнул ногой ближайшую кочку.

– Ой-ой-ой! – заверещал знакомый голосок. – Ты чего дерешься?

Каррон глазам своим не верил: из травы на него смотрела заспанная рожица его рогатого дружка – чертенка.

– Это ты? Это ты! – чертенок тоже узнал приятеля и в восторге принялся отплясывать на кочке.

– Откуда ты взялся, дружище? – Каррон присел на корточки и тут же заметил опустевший узелок и округлившееся брюшко чертенка.

– Они меня выгнали – эти твои Темные Сестры, – в голосе чертенка сквозила обида. – Даже не покормили на дорожку. Я шел, шел – думал, точно с голоду помру. Смотрю – узелок на кочке, а в нем – сыр, лепешки. Здорово мне повезло!

– Ага, тебе повезло, а вот мне – не очень. Я тоже есть хочу, а ты мой обед слопал.

– Тебе для друга куска лепешки жалко? – обиделся чертенок.

– Что ж, мне теперь до вечера слюни глотать? – Каррон чувствовал, что голод становится нестерпимым.

– Ну, кто-то же дал тебе еду, даст и еще – разве не так?

– Ничего себе, утешил! До вечера еще далеко, а раньше остроушки здесь не появятся.

– Кто такие остроушки?

Каррон уселся на кочку и принялся рассказывать приятелю о том, что с ним приключилось.

– М-да, не слишком-то почитают эти малявки Великого бага, – подытожил его рассказ чертенок. – Нужно улепетывать отсюда, пока они не явились. На воле-то лучше!

– Я б давно удрал, да только через зеленый туман ходу нет.

– А где тут зеленый туман? Я его что-то не видел. Болото, конечно, место неприятное, но вполне проходимое. Я же сюда пришел!

– И верно – пришел! Ну, так веди меня отсюда, приятель.

– Нет, не поведу, – чертенок уселся на кочку и закинул ногу за ногу.

– Это еще почему?

– Не поведу, пока ты не придумаешь мне имя. Ну что, в самом деле, за несправедливость: тебя теперь зовут Каррон, а меня – никак!

– Ах, ты вот о чем! – мальчуган улыбнулся. – Так это проще простого – будешь Крохой. Ты же маленький, это имя тебе в самый раз.

– М-м, Кроха, – чертенок думал не более секунды. – Хорошее имя, звучное. Мне оно нравится.

– Ну, так пошли, Кроха! – Каррон понимал приятеля, как никто, ведь он сам целых десять лет жил без имени.

– Кроха! Кроха! – выкрикивал чертенок, перепрыгивая с кочки на кочку.

– Я – Кроха, ты – Каррон,

Кочка – мой болотный трон.

Ты – Каррон, я – Кроха,

Здесь лягушек много!

Лягушки, которых в болоте водилось и в самом деле много, так и прыскали в разные стороны от маленького стихоплета. А чертенок не унимался Он уже орал во все горло:

– Если в топи есть дорога,

То ее отыщет Кроха!

– Тише ты! – одернул приятеля Каррон. – Вдруг остроушки услышат и не захотят нас отпустить? С ними шутки плохи.

– Ты боишься каких-то крохотулук? Неужели ни одному из них ты не обжег его острые уши?

Каррон отвернулся и сделал вид, что не расслышал последних слов чертенка. Не признаваться же, что Великий баг потерял всю свою силу в этой стране зеленого тумана!

А чертенок все прыгал и прыгал с кочки на кочку, бормоча в такт прыжкам свои вирши. Но чем дальше в глубь болота забирались приятели, тем неувереннее становились прыжки Крохи. Он все чаще и чаще останавливался, вертел по сторонам головой, пожимал плечами и сплевывал себе под ноги. Наконец он и вовсе остановился и плюхнулся на кочку.

– Похоже, я заблудился, – рожица чертенка сложилась в невинную гримасу.

– Как это – заблудился? Разве не этой дорогой ты пришел во владения остроушек?

– Может, этой, а может – другой. Я не помню.

– И как же мы выберемся теперь из болота? Тут утонуть – пара пустяков.

Кочка, на которой стоял Каррон, начала медленно погружаться в болотную жижу, будто только и ждала этих слов. Мальчуган перешагнул на другую кочку, но и та оказалась не лучше.

– Здесь нельзя стоять на месте, нужно куда-то идти. Где же дорога?

Чертенок поджал хвост, втянул голову в плечи и виновато заморгал.

– Я не знаю, куда идти. Давай вернемся назад.

Каррон попробовал ногой одну кочку, другую. Когда он перевел взгляд чуть дальше, по спине мальчугана поползли мурашки. Всего в нескольких шагах от путников из болотной

трясины поднимался мерцающий зеленый туман. Он клубился, расплзался в стороны, окутывал редкие кусты и кочки.

– Мы пропали! – сердце Каррона замерло от страха. – Через зеленый туман ходу нет. Если он накроет нас в болоте – нам не выбраться.

– Бежим! – чертенок прыгнул на соседнюю кочку, но промахнулся и упал в болотное окно.

Каррон схватил приятеля за хвост и выволок его из грязи.

– Карр! – раздалось у них над головой.

Захлопали крылья, и остроглазая ворона опустилась на кочку в двух шагах от путников.

– Карр! Карр!

Ворона наклонила голову набок и взглянула на Каррона вполне осмысленно. Потом она взмахнула крыльями и перелетела на другую кочку, как бы приглашая следовать за ней.

Привыкший доверять своим пернатым телохранителям, Каррон несколько не удивился и последовал за вороной. Та, похоже, только этого и ждала. Она перелетала с кочки на кочку, уводя приятелей от надвигающейся стены зеленого тумана. Не прошло и получаса, как болото оказалось позади, и путники выбрались на опушку леса.

– Карр! – ворона взмыла вверх и скрылась в листве деревьев.

– Смотри, да тут кто-то живет, – чертенок указывал на замшелую полуземлянку – полуизбушку в нескольких десятках шагов от них.

– Может быть, нас тут накормят? – Каррон сглотнул набежавшую слюну.

Приятели переглянулись и дружно зашагали в сторону избушки. О том, что их может подстергать опасность, они даже не подумали.

Глава 10

Каррон и Кроха устроились у горящего очага. С первого взгляда было заметно, что избушка на краю болота – обитаема. Когда приятели вошли в нее, угли в очаге еще тлели. Чертеночек без лишних слов раздул огонь, подкинул в очаг сложенные в углу поленья и принялся обследовать горшки и миски в поисках съестного.

Каррон задумчиво вглядывался в пламя и ждал хозяев жилища. Свет, пробивавшийся в крошечное окошко, ослаб, а потом и вовсе померк из-за начавшегося дождя.

– Как хорошо, что мы выбрались из болота! Тут тепло и сухо, – радовался чертеночек.

– Хорошо, если хозяева окажутся приветливыми, а если – нет? Не всякий обрадуется непрошеным гостям.

– Ничего, как-нибудь выкрутимся. Не сидеть же нам под елкой в такой ливень? Да в такую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит.

– А кошку?

– Что – кошку?

– Кошку – выгонит? – Каррон указывал на протиснувшуюся в дверь худую черную кошку, с шерсти которой ручьями стекала дождевая вода.

– Не знаю, как хозяйка, а мы ее точно выгонять не будем. Пусть тоже погрееется и подсохнет, – решил чертеночек.

Он перестал заглядывать в плошки и подошел к очагу.

– Кис-кис-кис!

Глаза кошки метнули зеленые молнии, она выгнула спину дугой, прижала уши к голове и угрожающе зашипела.

– Какая сердитая! – удивился Кроха, забыв, что не каждый день кошкам являются черти.

– Отстань от нее, – одернул приятеля Каррон. – Вы же с ней не знакомы. Вот придут хозяйка...

Каррон не успел договорить, разинув рот от удивления и страха. Мокрая кошка вдруг стала увеличиваться в размерах так быстро, что нельзя было объяснить это тем, что подсыхающая шерсть распушилась. Вот уже странное животное стало размером с козу. Очертания его тоже менялись, все более смахивая на человеческую фигуру.

– Ай-ай, да это же ведьма! – заскулил вдруг Кроха.

– Ни одна из Темных Сестер не похожа на...

Каррон затруднился назвать меняющееся свои очертания существо.

– Причем тут Темные Сестры? Это – настоящая ведьма. Она может превращаться в кошку!

– Какой сообразительный чертеночек! – окончательно принявшая человеческий облик ведьма усмехнулась, щурилась недобрый глаз. – И откуда ты такой взялся?

– Я. Мы, – Кроха испуганно переминался с копытца на копытце и не находил слов.

– Короче, чертей нам не надо. Соображаешь? А ну, кыш отсюда!

Кроха метнулся к двери и в мгновение ока оказался за порогом. Каррон испугался не меньше приятеля и тоже двинулся к выходу.

– Э-э, дружок, а вот ты – останься! – крючковатые пальцы ведьмы поймали край рубашки мальчугана.

– Я не хочу. Я лучше пойду. Отпусти меня!

– Ну, уж нет. Не знаю, каким ветром тебя занесло в нашу избушку, но случилось это как раз кстати. Очень, очень кстати!

Каррон по привычке хотел щелкнуть пальцами, но вспомнил, что по эту сторону зеленого тумана его огненные фокусы не удаются. На глаза мальчугана навернулись слезы: никогда не чувствовал он себя таким беспомощным, таким незащищенным.

– А, вот и слезки – то, что нужно! Похоже, мы запасем эту ценнейшую влагу в нужном количестве. Где же мои сестрички? Втроем мы управимся быстрее.

Не успело последнее слово слететь с губ ведьмы, как послышалось хлопанье крыльев. Дверь чудесным образом сама собой распахнулась, и в избушке очутились две с виду вполне обычные птицы. Одну из них Каррон узнал с первого взгляда: это была та самая ворона, которая вывела его и Кроху из болота. Вторая – средних размеров сова – никогда раньше не попадалась на глаза мальчугану. Птицы уселись на полу возле очага, отряхнули перья от капель дождя и уже через несколько минут приняли другой – человеческий – облик.

И эти – ведьмы! Каррон забился в темный угол. Может быть, его не заметят? Может быть, о нем забудут?

– Ну, каков мальчуган? – та, что была в вороньих перьях, гордо взглянула на сестер. – Это я его сюда привела! Еще чуть-чуть – и стигнул бы в зеленом тумане.

– Ах, так вот как он очутился в нашем жилище! – отозвалась та, что была кошкой.

– Великоват мальчишка, – пробурчала третья из ведьм. – Ему, поди, лет десять уже – почти отрок. Из такого слезы выжать непросто будет.

– Ты не права, я уже видела слезы на глазах паршивца. Если взяться за дело с умом, то уже завтра у нас будет достаточно детских слез для нашего зелья. А уж какие сильные, какие ядренные будут эти слезы! Разве сравнишь их с теми, что текут из глаз малышей по поводу и без повода?

– Ну, что ж, приступим, пожалуй.

«Кошка» сузила свои зеленые глаза и повернулась к Каррону:

– Что, малый, скучаешь уже по тятке, мамке? Не скоро ты к ним попадешь, не скоро. Мамка, поди, беспокоится о своем дитятке, плачет – убивается. Жалко мамку? А ну, как она помрет с горя? У тебя и сестры-братья есть? Вот как осиротеют они, тоже заплачут-заголосят.

Ведьма внимательно наблюдала за мальчишкой, ожидая, что он вот-вот расплачется от жалости к себе, к родителям, к братьям и сестрам. Но Каррон только усмехнулся и шмыгнул носом.

– Зря стараешься, тетенька: я – сирота. Некому по мне горевать-убиваться, и скучать мне не о ком.

– Ах, так! – «сове» явно не терпелось заполучить вожаденные слезы. – Нечего с ним церемониться, нужно просто отлупить мальчика, чего проще?

– Погоди, сестрица, нам нужны наисвежайшие слезы. Придется сначала сварить зелье из остальных составляющих, а уж в самый последний момент добавить в него слезы. Вот тогда нежители не поздоровится! Ишь, повадились шляться по округе, скелеты проклятые! Мы уж их успокоим навсегда, чтоб не совались в наши владенья.

«Ворона» извлекла из-под лавки длинный сыромятный шнурок и привязала им сопротивляющегося Каррона к вделанному в стену кольцу.

– Так он не убежит и не будет путаться под ногами, пока мы станем зелье варить.

На время ведьмы словно забыли о пленнике. Для начала они решили подкрепиться. Каррон глотал слюни, наблюдая, как еда исчезает во ртах его мучительниц. Однажды у него даже закипели злые слезы на глазах, но мальчуган тут же смахнул их рукой. Он был неглуп и отлично понял, чего добиваются от него ведьмы. Возможно, он и заплакал бы, но кто знает, что ждет его после того, как ведьмы получат свое? В голове Каррона уже всплывали рассказанные Каргуньей сказки о съеденных Бабой Ягой добрых молодцах. Что ведьмы, что Баба Яга – одна шайка-лейка. Нужно сопротивляться изо всех сил – решил мальчуган.

После трапезы ведьмы приступили к изготовлению своего зелья. В большой медный котелок они с приговором налили воду, поставили посудину на огонь и разложили на столе прочие необходимые предметы. Здесь были и пучки сушеных трав, и выбеленные временем кости, и закрытые крышками глиняные горшки, и ступка с пестиком...

Каррон никогда не видел, чтобы Темные Сестры готовили свои отвары из подобных вещей. Да, видимо, не зря их считали ненастоящими ведьмами.

Тем временем кости тщательнейшим образом истолкли в ступке, превратив в сероватый порошок. Вода в котелке закипела, и в нее отправились не только костяной порошок, но и сушеные травы. Каждая былинка бережно изымалась из пучка, над каждой нашептывались слова заговора. Каррону все это было безумно интересно. Он даже забыл о страхе, во все глаза наблюдая за тем, что делали ведьмы. Он, уже почувствовавший свою исключительность, уже попробовавший вкус почитания и могущества, ощущал неодолимую тягу к таинственному занятию, называемому колдовством.

Очередь дошла до горшков. Из одного «сова» извлекла жирную болотную жабу. Та была жива, но не выказывала ни малейшего желания вырваться из плена. Так же равнодушно она нырнула в бурлящее варево.

– Ты нежить, ты уже – не человек.

Так успокойся, нежить, навсегда,

Как жабу успокоила навек

Кипящая, бурлящая вода!

Из другого горшка «кошка» зачерпнула горсть земли с копошащимися в ней червями:

– Земля – из могилы, и вы – из могилы.

Должны отобрать у покойников силы!

Каждый червяк удостоился поцелуя ведьмы и был отправлен в котелок. Туда же высыпали и землю.

«Ворона» подбрасывала хворост в огонь, добиваясь медленного ровного кипения варева. Она время от времени помешивала зелье большой деревянной ложкой, нюхала его и причмокивала от удовольствия. Когда жидкость в котелке упарилась наполовину, его сняли с огня и водрузили на стол.

– Ну, вот – не хватает только детских слез. Сейчас наберем их в эту мисочку – и нежити несдобровать.

Каррон увидел в руках «вороны» большую глиняную миску. Ему предстояло наполнить ее своими слезами. Мальчишка задергался на привязи, но освободиться было невозможно.

«Кошка» уже приближалась к нему с плетью.

– Что, малец, твоя задница не знакома с такой штукой? Сейчас мы это исправим.

Плетка свистнула и обожгла Каррона. На холсте рубахи выступила кровавая полоса.

– А-а-а! – невольно вырвалось у мальчугана.

– Поплачь, поплачь – авось, полегчает.

И снова свист плети.

– А-а-а! – в крике пленника сквозила ярость.

– Злые слезы – самые ценные. Молодец, мальчишка!

Каррон извернулся и укусил за палец руку, протягивающую к нему миску для слез.

– Ты кусаться!

«Ворона» так поддала ногой под зад пленника, что тот упал на четвереньки. Из угла уже подбиралась «сова» с пучком гибких ивовых прутьев. Вот она подняла руку, чтобы ударить ими побольнее.

Дальше все происходило, как в кошмарном сне. Каррон ухватился за ножку стола и дернул его на себя. Котелок с ведьминым варевом опрокинулся, окатывая кипятком и мальчишку, и его мучительниц. «Кошка», успевшая отскочить в сторону, истошно заголосила. Она видела,

как замедлились движения ее сестер и мальчугана, как бледность разлилась по их лицам, как они вытянулись и замерли на полу.

– Нужно скорее избавиться и от сестер, и от мальчишки! – «Кошка» забегала по избежке. – Если они превратятся в нежить прямо здесь, у меня будут большие неприятности. Может быть, они еще живы? А если – нет? Все-таки лучше кинуть их в болото. Так надежнее.

Ведьма по очереди перетащила бездыханные тела к болоту и столкнула их в ближайшее болотное окно. Трясина благодарно чмокнула и поглотила угощенье.

Глава 11

Кикиморе не спалось. Который раз принималась она за свою пряжу, перебирая зеленые нити тины длинными пальцами, и тут же бросала это занятие. Ей было скучно. Она уже не единожды пожалела, что сбежала из родного уютного болота и поселилась в Сыром Логу. Что с того, что теперь она – единственная хозяйка и кочек, и трясины? Конечно, теперь никто не ругает ее за нерадивость, никто не заставляет чесать пятки Водяному, никто не покушается на самых жирных пиявок и лягушек. Кикимора вспомнила, как таскала ее за волосы тетушка-Болотница, и грустно улыбнулась. Она соскучилась даже по бесконечному ворчанию Коряжмы, по тому, как отчитывала ее болотная экономка за каждую нечаянно сломанную веточку клюквы, за каждую помятую подушку болотного мха.

Зря, выходит, она радовалась, когда нашла себе замечательное отдельное жилье? Скука день за днем затягивала в себя, как болотная трясина.

Вдруг над головой Кикиморы что-то ухнуло в топь.

– Может, лось оступился и угодил в болото? Нет, лось наделал бы больше шума. Уж он-то побился бы, потрепыхался, прежде чем навсегда скрыться в трясине. Посмотрим, кто же это пожаловал сюда?

Кикимора так обрадовалась нечаянному развлечению, что выскочила из своего убежища легче воздушного пузырька. Рядом было самое холодное место болота. Здесь со дна выбивался ледяной источник. Стоило какой-нибудь живой твари попасть в его струи, как дыхание его замирало. Это позволяло не захлебнуться жидкой грязью, какое-то время сохраняло жизнь несчастным пленникам болота.

Кикимора не раз извлекала из источника попавшее в него мелкое зверье и тащила в свое жилище. Но чтобы в этом месте трясины оказалось сразу три человеческих тела! Это было неслыханным везением.

Времени для долгих раздумий у Кикиморы не было. То, что все трое не поместятся в ее тесной коморке, было ясно и так.

– Значит, нужно оттащить их в торфяной грот, – решила Кикимора. – Там они не захлебнутся и полежат, пока я не решу, что с ними делать.

Сказано – сделано. Первым перекочевал в грот Каррон. Кикимора улыбалась, глядя на мальчугана. Какой славный! У нее не было детей, да и вообще, по болотным меркам, Кика считалась подростком – всего-то пара сотен лет были за ее плечами! Судьба Каррона была решена Кикиморой сразу: он будет ее женихом. Болотная жительница давным-давно знала, что хозяйева топи родятся исключительно от союза с попавшими в трясину мужчинами. Все – кикиморы, болотницы, коряжмы и даже водяные – появлялись на свет таким образом. Вот почему ей с детства вдалбливали слова заговоров, которые могли превратить утопленника в полноправного жителя болота. Вот только утопленник должен быть особым – еще живым, еще не наглотавшимся болотной жижи.

Кики помнила, как она со своими старшими подружками часами сидела в засаде, поджидая какого-нибудь охотника или пастуха, забредшего на ее родное болото. Заманить его в трясину, очаровать болотными огнями, одурманить ядовитыми испарениями – это было непросто. И все же изредка такое случалось. Тогда кикиморы дрались за право обладания трофеем, выдирая друг другу волосы и пуская пузыри. А после счастливица уединялась с будущим женихом где-нибудь в дальнем углу болота, совершала тайный обряд, и через некоторое время выходила к соплеменникам с дитятей на руках. Судьба отца ребенка, помнится, никого не интересовала, да его и не видел больше никто.

Сидя в родном болоте, Кика, конечно, понимала, что шансов обзавестись женихом у нее мало. Сколько кикимор, болотниц и коряжм столетиями ждали своей очереди! Бывало, так

и помирали, не дождавшись. В новом своем обиталище Кика страдала от скуки и одиночества, но зато шансы обзавестись женихом и положить начало новому болотному роду сильно возрастали.

Пока Кика перетаскивала в грот остальные тела, она не переставала радоваться своей удаче. Мальчишка, конечно, маловат еще, но лет через пять-шесть он обретет настоящую мужскую силу. Что значат какие-то пять-шесть лет в сравнении со столетиями одинокой жизни!

Попавшие в болото вместе с мальчишкой женщины вполне сгодятся на роль болотницы и коряжмы. Конечно, они не будут настоящими болотными жительницами, но все же с помощью особого обряда им можно придать соответствующую форму. Лишь бы пленники болота не захлебнулись, лишь бы остались живы!

Кика представила себе, как станет она распоряжаться своими покорными служанками, как будет таскать их за волосы в сердцах, а в добром настроении прясть с ними зеленую пряжу долгими осенними вечерами.

Кикимора разложила свои трофеи рядком и недолго полюбовалась ими. Больше медлить было нельзя. Первым предстояло перевоплотиться мальчугану. Конечно, с ним придется изрядно повозиться, помощницы в таком деле не помешали бы. Но вдруг ожившие женщины вздумают оспорить у Кики ее права на жениха? Нет уж, пусть полежат пока без движения, а она и сама справится.

Кикимора приложила ухо к груди мальчика. Биение сердца было еле слышным, с посиневших губ почти не срывалось дыхание. Мертвец, да и только! Но болотная жительница была уверена в своих силах, как никогда. Вот она принесла большущий клочок зеленой тины и принялась упаковывать в нее тело мальчугана. Вскоре из-под зелени выглядывали только глаза, рот и нос. Потом пришла очередь болотной грязи. Тут нужна была особая, вязкая грязь с самого дна болота. Кике пришлось носить ее пригоршнями, так как никакой подходящей для этого посуды у нее не нашлось.

Очень скоро Кикимора так устала, что вынуждена была на минуточку подняться наверх, чтобы подкрепиться незрелой клюквой. Отдышавшись, она с новыми силами продолжила обряд.

Теперь предстояло вымазать мальчишку грязью так, чтобы получился настоящий кокон. Пока он будет сохнуть, Кикимора успеет спеленать тинной еще двух пленниц болота. Их она не станет мазать грязью – сойдут и так.

Кроха тронул копытцем коричневую воду болотного окна.

– Бр-р-р, холодная!

Всю ночь просидел чертенок на кочке, не решаясь последовать за приятелем в топь. Он видел, как одна из ведьм выволокла бездыханного Каррона, а потом и двух своих сестер из избушки, как отдала их во власть болота.

Чертенок мог бы сразу нырнуть в трясину, ведь он – не человек, ему не впервой и сквозь землю проходить, и сквозь воду, без особого вреда для своей мохнатой шкурки. И все же он не сделал этого. Вытаскивать из грязи мертвого товарища – зачем? Дно болота не такая уж плохая могила, если разобраться.

Кроха присел на кочку – погоревать, как положено, и тут вдруг почувствовал тоненькую струйку жизненной энергии, пульсирующую где-то в глубине.

– Жив, жив Каррон! – обрадовался чертенок.

У него даже сомнений не возникло по поводу того, что это его друг, а не те две ведьмы, которые отправились в болото вместе с Карроном. Впрочем, вскоре Кроха уловил биение жизни и в их телах.

– Нужно выручать приятеля!

Чертенюк уже почти нырнул в болотное окно – и вдруг понял, что сигналы из трясины переместились.

– Что такое? Уж не очнулся ли Каррон в болоте? Если так – это конец: захлебнется грязью.

Но биение жизни приятеля не ослабевало, и обрадованный Кроха запрыгал с кочки на кочку, следуя за передвигающимся в пучине приятелем и ломая голову над тем, как тому удастся это проделывать?

Кикимора сидела в торфяном гроте и любовалась плодами своего труда. Вот оно, ее будущее счастье, – лежит в коконе из грязи невзрачным серым комом. На мгновение Кика зажмурилась и позволила себе помечтать. Ей виделось, как качает она своего крохотного ребенка, как забавляет его бусами из болотной ягоды, как учит делать первые шаги в тягучей трясины. Тому, кто лежал сейчас перед Кикиморой, не было места в ее мечтах. Он сделает свое дело, продолжит род болотных жительниц – и сгинет навеки.

Кика пошевелила пальцами, готовясь к самой ответственной части ритуала. Сейчас она нащупает тонкую нить жизни, выбивающуюся из грязевого кокона, и станет осторожно вытягивать ее наружу, сматывать в клубок. Нужно не ошибиться, не дать оборваться этой непрочной ниточке, оставить в коконе только самый ее кончик. Клубок же Кика положит в болотную тину – вот она, кучей лежит рядом. Потом нужно нашептать над тиной заветные слова, положить клубок на свои ладони и дать ему размотаться, снова втянуться внутрь тела. Только после этого можно освободить пленника из засохшей грязи и позволить новому болотному жителю познакомиться со своим местом обитания.

Кикимора склонилась над добычей. Главное сейчас – тишина, ведь любой посторонний звук может помешать ритуалу. Она уже протянула руку – начать действие. Пронзительный визг, пробившийся сквозь болотную трясины с поверхности, заставил Кикимору подскочить на месте.

– Это еще что такое? – хозяйка болота занервничала.

Здесь, в гроте всегда было абсолютно тихо.

Вопль повторился, опять и опять. Ни одно поглощаемое болотом живое существо не вопило так неистово. Дрогнули веки тех, кого Кикимора собиралась превратить в Болотницу и Коряжму. Гладкая поверхность грязевого кокона пошла мелкими трещинами.

– Проклятье! – Кикимора метнулась из грота, чтобы заткнуть глотку тому, кто так истошно вопил на поверхности болота.

– Помогите! – кричал чертенюк, забыв, что ждать помощи не от кого.

Кроха намертво приклеился к листу хищной болотной росянки. Обычно эти растения совсем невелики. Вся верхняя сторона и края их округлых листьев усажены волосками-щупальцами с красной железистой головкой. Головку волоска окружает прозрачная капелька густой липкой тягучей слизи. Мелкие мухи или муравьи, привлеченные блеском этих капелек, садятся или вползают на лист и прилипают к нему. Насекомое мечется и бьется, пытаясь освободиться из ловушки, и при этом неизбежно задевает соседние липкие капли. Все волоски потревоженного листка изгибаются навстречу добыче и скоро обволакивают ее слизью. Край листа медленно загибается и покрывает свою добычу, которая здесь же вскоре начинает перевариваться.

Росянку, жертвой которой стал крошечный чертенюк, Кикимора холила и лелеяла. Вот и выросло растение этаким болотным чудищем с листьями длиной в локоть. Чертенюк для такого – добыча не из самых крупных. Бывало, попадались росянке и огромные болотные лягушки, и присевшие на ее лист напитки «росы» птицы.

Длинная рука Кикиморы высунулась из болота и схватила чертенюка. От неожиданности тот заголосил еще громче. Кика дернула крикуна, оторвав при этом пленивший его лист

росянки. Зажав чертенку рот, чтобы замолчал поскорее, она потянула его вниз, в трясины. Нужно было торопиться, иначе обряд, так успешно начатый, мог и не закончиться.

Вернувшись в грот, Кикимора отшвырнула чертенка в сторону и вернулась к грязевому кокону. Проклятье! Грязь, покрывавшая тело мальчишки твердым панцирем, развалилась на куски, а сам он сидел на полу грота и смотрел на хозяйку болота вполне осмысленно. Нужно было снова водворить его в кокон, или хотя бы связать. Да, конечно связать! Снова носить грязь – слишком долго и утомительно. Обряд будет неполным, но все же совершить его можно и со связанным человеком. Кикимора метнулась из грота – принести клубок пряжи.

Чертенок на четвереньках подполз к Каррону и повернулся к нему задом:

– Освободи меня от этой гадости! – жалобно заскулил он.

Каррон ухватился за лист росянки там, где не было клейких волосков, и потянул. Ему пришлось изрядно потрудиться! Наконец Кроха отделился от листа.

– Слушай, нужно улепетывать отсюда, – зашептал он приятелю на ухо. – Вернется Кикимора – худо будет. Знаю я этих пиявок болотных!

– Мы что – в болоте? – Каррон силился вспомнить хоть что-нибудь.

– А то где же! Проклятая ведьма тебя в трясины наладила, а заодно и двух своих сестренек.

– И ведьмы здесь? – Каррон обернулся, но никого не увидел.

– Ого, куда же делись ведьмы? Только что были здесь.

Чертенок резво обежал грот и поманил пальцем приятеля.

– Тут нора какая-то. Бьюсь об заклад – ведьмы в нее ушли. Придется и нам за ними двигать.

– Ты с ума сошел! Я не хочу снова встречаться с ведьмами.

– А с Кикиморой – хочешь? Вот она сейчас вернется и смастерит из тебя жениха. Тогда тебе из болота вовек не вырваться, так и сгинешь тут.

Слова приятеля убедили Каррона. Он заглянул в обнаруженную Крохой нору.

– Да я сюда еле-еле пролезу. Как же ведьмы могли забраться в такую узкую щель?

– Главное, что Кикимора сюда точно не пролезет, – перебил приятеля чертенок. – Полежай скорей, а то она вот-вот вернется.

В норе было тесно и темно. Маленький чертенок резво продвигался вперед, ощупывая стены и пробуя копытцем землю под ногами. Он то убегал, то возвращался и торопил приятеля.

Каррон с большим трудом протискивался вслед за Крохой, недоумевая, как этой дорогой могли пройти ведьмы – ведь они были гораздо крупнее десятилетнего мальчишки! Временами ему слышался какой-то шорох впереди, и тогда Каррон замирал в испуге.

Через некоторое время сзади раздались оглушительные проклятия Кикиморы. Вернувшись в грот и не обнаружив там своих пленников, хозяйка болота сразу смекнула, куда они подевались. Из грота не было выхода – только через трясины. Нора, в которую забились беглецы, не вела наружу, это Кикимора знала совершенно точно. Обследовать подземный ход она не могла – была слишком велика и длиннорука – но уж все закоулки своего болота она изучила отлично. Нет, нора должна была закончиться тупиком.

Пошарив руками в отверстия подземного хода, Кикимора плюнула и уселась перед ним – ждать. Куда им деться, этим бабам и мальчишке? Вернутся, непременно вернутся! Чертенок? Ну, тот, конечно, может и сквозь землю пройти, и сквозь трясины пробраться. Пусть! Чертей в болоте только не хватало! Если бы не этот крошечный рогатый крикун, Кика уже заканчивала бы обряд. Чтоб ему было пусто, рогатому!

Каррон обрадовался тому, что догонявшие его проклятия смолкли, и еще усерднее заработал локтями, протискиваясь в узкой норе. Только вперед! О том, что ждет его впереди, мальчишка старался не думать.

Глава 12

- Тсс! – чертенок остановился так резко, что Каррон едва не отдал ему хвост.
- Не двигайся. Кажется, мы влипли, – голос Крохи срывался от страха.
- Ведьмы возвращаются? – у мальчишки мурашки побежали по спине.
- Нет, это не ведьмы.
- Тогда кто же?
- Да замолчи ты, наконец! Замри!

Впереди, совсем близко, раздавались какие-то звуки. Их трудно было сравнить с чем-либо, вот разве некоторые из них напоминали шуршание осыпающейся земли.

– Может, это Кикимора пошла в обход? – еле слышно прошептал Каррон и получил пинка по ноге.

Чертенок вскарабкался к приятелю на плечо и зажал ему рот ладошками. Мальчишка почувствовал, как дрожало тельце Крохи. Никогда еще рогатый не был так напуган!

Шуршало уже со всех сторон. Впереди из стены тоннеля вывалился внушительных размеров ком земли. Кто-то протиснулся в образовавшуюся дыру и стал удаляться, издавая глухое постукивание. Потом явственно послышалось хлопанье крыльев и хриплое карканье вороны. В ответ душераздирающие вопли прокатились под сводами тоннеля.

Наконец шуршание смолкло. Кроха перестал зажимать приятелю рот и прошептал ему на ухо:

- Это нежить. Мы пропали, если не выберемся отсюда немедленно.
- Придется возвращаться назад? Но там же Кикимора!
- Пойду-ка я поищу другую дорогу, – извиняющимся тоном пробормотал чертенок и проскользнул сквозь влажную стену тоннеля.

Каррон попытался проделать то же самое, но у него, естественно, ничего не получилось.

– Предатель! – слезы брызнули из глаз мальчугана. – Сбежал, бросил меня.

Потоптавшись немного на месте, Каррон все же решил идти вперед. За очередным поворотом тесного тоннеля он явственно услышал голоса и уже знакомое постукивание. Даже отблески тусклого света замелькали на стенах тоннеля. И вот взору мальчугана открылась обширная подземная пещера.

К тому, что на жертвеннике в пещере Темных Сестер стоял в качестве подсвечника человеческий череп, Каррон привык с детства. Его совершенно не пугали ни пустые глазницы, ни оскал желтых зубов. Но при виде десятков клацающих челюстями скелетов мальчуган впал в ступор. Пещеру наполняли не только выбеленные временем кости, но и трупы на разных стадиях разложения. Нестерпимая вонь казалась осязаемой. И тут же колыхались белые тени с очертаниями человеческих фигур. Каррон никогда прежде не видел привидения, но сразу сообразил, что это именно они.

Нежить! Чертенок назвал их нежитью. Более точного слова нельзя было подобрать. Ведьмы тоже толковали о нежити. И вот теперь мальчуган увидел ее воочию, эту толпу мертвецов, не желающих угомониться навеки.

Теперь Каррон понял, кто пробирался в земле и так напугал чертенка. Вот только зачем собралась вся эта нежить в одной пещере? И что теперь делать ему, Каррону? Дальше ходу нет. Назад возвращаться нельзя. Воспользоваться одним из ходов, которые прорыли собирающиеся на сходку мертвецы? Нет, наружу они не выведут, а оказаться в погребальной колоде под землей мальчугану было ни к чему. И кто только придумал прятать мертвецов под землю? Раньше, когда трупы сжигали на ритуальных кострах, о нежити никто не слыхивал. И вот теперь мертвецы не желают смиренно лежать на погостах, а зачем-то шатаются, доставляя живущим массу

неприятностей. Даже ведьмам из Сырого Лога не было от них покоя, иначе, зачем бы им варить зелье из детских слез?

Гремя костями, на возвышение посреди пещеры взобрался скелет. Только теперь Каррон заметил, что на том же возвышении лежит тело молодой девушки. Конечно, она тоже была мертва, но тлен не коснулся ни прекрасного лица, ни золотистого дождя волос, ни скрывающегося под саваном тела. Каррон так пристально вглядывался в покойницу, что ему даже показалось, будто покрывало на ее животе зашевелилось.

– Сегодняшней ночи мы ждали много лет! – заговорил скелет на возвышении.

Как удавалось ему издавать звуки, было совершенно непонятно, но его слышали все, включая мальчишку.

– Наконец-то ОН родится – наша надежда, наша сила, наше могущество. Все вы знаете, что живые любят живых, что случаи иной любви исключительно редки. Редки – но случаются! Вот она – прекрасная дева, подарившая нам надежду. Ее жених не смог смириться со смертью любимой. Он возлег с ней на брачное ложе уже после того, как дух оставил тело невесты. Девять месяцев и девять дней наливался плод этой любви. Все мы приложили немало усилий, чтобы тлен не разрушил чрево, хранящее будущего младенца. Сегодня, наконец, свершится – роды начались.

Нам несказанно повезло: в наши тоннели попали живые птицы. Их кровь, пролитая на чело младенца, наделит его невиданной силой. Конечно, кровь человеческого ребенка сделала бы Эгона абсолютно несокрушимым, но подойдет и теплая кровь птиц.

К ногам скелета швырнули бесформенный ком перьев. Приглядевшись, Каррон узнал в нем сову и ворону. Так вот каким образом ведьмы сумели протиснуться в тесную нору! Теперь они были связаны и беспомощно разевали клювы.

С роженицы сдернули саван. Ее живот выглядел безобразно огромным. Вот судорога прокатилась по бледному телу. Девушка выгнулась дугой и застонала. Ее тут же окружили призраки, а скелеты отступили подальше.

Роженица больше не проронила ни звука. Вероятно, ей совсем не было больно, ведь душа давно покинула ее тело. Призраки помогали младенцу, который не торопился появиться на свет.

«Он живой, или тоже уже мертвый?» – подумалось Каррону.

Мальчишке не приходилось раньше наблюдать ничего подобного. Он даже забыл на минуту о своем отчаянном положении. Тайна рождения раскрывалась перед ним.

Сквозь прозрачные привидения было отлично видно, как хлынула кровь из тела роженицы. Она была густая и темная, совсем не похожая на ту, что текла из разбитых коленок Каррона и его порезанного пальца. Потом между ног девы показалась голова младенца. Она была огромной и на удивление безобразной.

Собравшаяся в пещере нежить взвыла от восторга и принялась радостно греметь костями. Десятки полуразложившихся рук потянулись подхватить долгожданного малыша.

«Ничего себе – малыш! – подумал Каррон. – Да он размером больше матери! Как такое может быть?»

По мере того, как ребенок покидал чрево роженицы, ее тело сжималось, словно опустевшая оболочка. Возможно, именно так и было на самом деле: до поры, до времени мать являлась только коконом зреющего в нем чудища.

Страшилище! Волосы на голове Каррона встали дыбом.

Иссиня-черная кожа «малыша» бугрилась уродливыми наростами. Они выступали даже из-под обильной слизи, покрывающей все тело ребенка покойницы. Глазницы, прикрытые морщинистыми веками, занимали половину лица. Вместо носа имелись две воронкообразные впадины, а рот растянулся от уха до уха. Уши, кстати, тоже мало походили на обычные человеческие. Огромные, заостренные, густо поросшие щетиной, они скорее напоминали уши свиньи.

Скрюченное тельце новорожденного на глазах расправлялось, конечности удлинялись. Стало заметно, насколько узловаты пальцы. Они были непомерной величины и заканчивались не обычными человеческими ногтями, а загнутыми к ладони когтями.

Сбросив с ложа опустевшую оболочку матери, нежить возложила на него новорожденного – Эгона. Теперь пришла очередь ритуального помазания кровью. Один из скелетов схватил связанных птиц и, не церемонясь, свернул шею сове. Та же участь ожидала и ворону, но тут случилось то, чего нежить никак не ожидала.

Встряхнув перьями, птица стала быстро меняться. Пара секунд – и вот на ее месте уже стоит живая старуха.

– Ведьма из Сырого Лога!

Стук падающих челюстей ясно показывал, насколько удивлены окружающие ложе скелеты.

У ног ведьмы лежало обезглавленное тело ее сестрицы, а драгоценная кровь медленно впитывалась в землю. Опомнившись, мертвецы схватили оторванную голову и стали мазать кровью лоб и щеки младенца.

– Мало! Этой крови – мало!

– У нас есть еще одна пленница: ее крови будет как раз достаточно. Можно вымазать Эгона с ног до головы настоящей человеческой, а не птичьей кровью.

– Стойте! – завизжала старуха. – Я знаю, что самая лучшая кровь – это кровь человеческого ребенка. Если вы не тронете меня, я открою, где прячется десятилетний мальчишка. Он совсем недалеко отсюда...

Руки, протянутые к ведьме, замерли в воздухе.

– Говори – где?

– А где гарантия моей свободы?

– Она – в сердце того мальчишки, о котором ты говоришь. Как только оно будет в наших руках, ты станешь свободной.

– Мальчишка в гроте Кикиморы, здесь, под болотом. Думаю, вам нетрудно будет протиснуться в узком тоннеле, который ведет туда.

Вся толпа нежити радостно взвыла и ринулась в указанном направлении. Ведьму за волосы тащили следом.

Каррон, за мгновение до этого догадавшийся, какая участь его ждет, если не поторопиться, развернулся и побежал прочь от пещеры мертвецов. Сзади топали, гремели костями, вопили скелеты и полуразложившиеся трупы. Призраки остались охранять новорожденное чудище.

– Скорее! Скорее! – подгонял себя Каррон, но в затылок ему уже дышала вырвавшаяся вперед ведьма.

Смрад от нежити был невыносим, и это показывало, что беглеца вот-вот догонят. В отчаянье мальчишка обернулся и щелкнул пальцами. Это всегда помогало ему раньше, хотя за границей зеленого тумана фокус перестал получаться. Может быть здесь, под болотом Кикиморы, магические способности вернутся?

Ура! Бегущая впереди ведьма вспыхнула факелом. Налетевшие на нее скелеты рассыпались, однако остальные мертвецы, словно бы и не заметили потерь. Он протопали по костям, хрустнули попавшими под ноги черепами и устремились к мальчишке.

Каррон вновь и вновь щелкал пальцами, но нежить не обращала на это никакого внимания. Воняло горелым мясом, тлеющими лохмотьями, но это не останавливало мертвецов. Каррон просто оцепенел от страха. Огонь плясал на трупах, а они все равно напирали на мальчишку. И Каррон побежал. Теперь он надеялся только на быстроту своих ног.

Мертвецы чуть-чуть отстали, но мальчишка понимал, что это ненадолго. Тоннель становился все уже и уже. По нему можно было пробраться уже только на четвереньках. Вот-вот привыкшие к перемещениям под землей мертвецы догонят...

Крохотная лапка схватила Каррона за край рубахи и потянула в сторону.

– Сюда, сюда! – прошептал чертенок, втягивая приятеля в боковое ответвление тоннеля.

Нора была настолько мала, что поместиться в ней можно было, только скрючившись в три погибели. И все же это оказалось спасением.

Толпа мертвецов пронеслась мимо так стремительно, будто они двигались не ползком, а бежали во весь рост. Еще некоторое время были слышны вопли, а потом и они смолкли.

– Уф! – Каррон перевел дух и осмелился расправить ноги-руки. – Я думал, ты бросил меня, Кроха.

– Вот еще! – обиделся чертенок, хотя на самом деле именно так и случилось. – Я искал дорогу отсюда.

– Ты нашел ее? – с надеждой прошептал Каррон.

– Не-а! Отсюда только два пути: в грот Кикиморы и в пещеру мертвецов. Остальные тоннели – тупики. Придется возвращаться туда, откуда ты только что удирал.

– Но там – призраки и новорожденное чудище – Эгон.

– А еще там – дорога в лабиринты гномов. Она начинается прямо под тем возвышением, на котором лежала роженица.

– Откуда ты знаешь? Ты был рядом – и не дал знать об этом!

– Если бы я цеплялся за край твоей рубахи и вытирал тебе сопли, я бы никогда не узнал того, что узнал. А узнал я достаточно, чтобы спасти одного неблагодарного трусливого мальчишку, который почему-то считает себя моим другом, – напыщенно провозгласил чертенок. – Короче, положись на меня – и мы выберемся отсюда.

Кроха вытолкнул приятеля из укрытия и потащил его за собой: назад, в пещеру мертвецов.

Глава 13

За то короткое время, пока Каррон удирал от толпы нежити, в пещере все изменилось. Вернее, изменился новорожденный младенец. Чудище невероятно увеличилось в размерах. Теперь оно занимало всю пещеру – от края до края. Безобразное голое тело распухало на глазах, оттесняя бестелесных повитух к стенам. Привидения не решались переместиться куда-либо, хотя им и не составляло труда пройти сквозь любое препятствие, даже сквозь тело Эгона. А тот уже стоял на четвереньках, касаясь пупком ложа, на котором появился на свет, а спиной – свода пещеры.

– Смотри, как нам повезло! – прошептал Кроха на ухо Каррону. – Если мы прошмыгнем между ног «малыша» и не попадем под его «крошечную» ручонку, то сможем добраться до ложа.

– А привидения?

– А мертвецы? Они вот-вот вернуться.

– Ну что ж, рискнем.

Каррон опустился на четвереньки и пополз за чертенком под брюхом новорожденного чудища. Стоило тому чуть-чуть раздуть живот, либо свести вместе ноги – и приятели оказались бы размазанными по полу пещеры. Но все обошлось.

Вот оно – основание ложа роженицы. Каррон покрутил головой по сторонам: никакого входа в тоннель не было видно. Слова разочарования уже готовы были сорваться с его языка, но чертенок приложил палец к губам и поманил приятеля. В следующее мгновение его уже не было на месте.

Каррон на четвереньках обогнул ложе и увидел откинутую крышку люка. Из отверстия торчала радостная физиономия Крохи. Чертенок еще раз махнул рукой и скрылся с глаз. Следом за ним в подземный ход нырнул и Каррон, не забыв закрыть за собой крышку люка.

Приятели очутились в кромешной темноте, хотя и до этого трудно было назвать подземные тоннели освещенными.

– Я совсем ничего не вижу, – прошептал Каррон. – Может быть, я ослеп?

– А ты шелкни пальцами, приятель, – озорной голос чертенка послышался прямо из-под ног.

Каррон шелкнул – ни единого проблеска света!

– Да, наверное, ты должен видеть то, что поджигашь, – разочарованно протянул чертенок.

– Знаешь, в селении остроушек у меня ничегошеньки не получалось, – пожаловался приятелю мальчуган. – Я уже думал, что совсем разучился делать это, но тут, в тоннеле нежити, мне удалось-таки подпалить ведьму.

– Ты видел старуху?

– Спрашиваешь! Да она почти уже схватила меня, когда я догадался шелкнуть пальцами! И потом – мертвецы. Они немного светились, как светится тухлое мясо. Поэтому, наверное, в тоннеле не было так темно, как здесь.

– Я придумал! – Кроха даже подпрыгнул от радости. – Сейчас я чуть-чуть приоткрою люк, а ты воспользуешься тем светом, что проникнет в щелку из пещеры мертвецов.

Сказано – сделано: чертенок с трудом приподнял крышку люка. Луч неяркого света блеснул всего лишь на мгновение, но и этого оказалось достаточно. Каррон шелкнул пальцами...

– Ай-ай-ай! – завизжал чертенок, отскакивая от вспыхнувшей огнем деревянной крышки люка. – Что ты натворил? Крышка сторит – и нам крышка! Бежим!

Не дожидаясь, пока приятель поймет, что он сделал все не так, чертенок сорвался с места и понесся в темноту лабиринта. Каррон припустил следом. Позади догорала деревянная крышка, освещающая им дорогу. На бегу Каррон выдернул из стены тоннеля какой-то корень.

– Вот и факел!

Мальчуган взглянул на корешок и щелкнул пальцами. Сырое дерево загорелось неохотно, затрещало, закоптило. И все же это был огонь. Он осветил своды тоннеля, спугнул стайку летучих мышей, вселил в душу беглецов надежду выбраться на поверхность земли. Или хотя бы куда-нибудь, где не окажется мертвецов.

Бежали долго. Каррон запыхался, сердце просто выскакивало у него из груди.

– Давай передохнем! – взмолился мальчуган.

– Не думал я, что ты такой слабак! – презрительно сплюнул чертенок, а сам был рад-радешенек передышке.

Приятель уселся прямо на землю, воткнув догорающий факел между собой. Каррон обвел глазами стены тоннеля, выискивая какой-нибудь торчащий из них корень. Увы, ничего подходящего для нового факела не нашлось.

– Что же мы будем делать, когда наш светильник догорит? – огорченно прошептал Каррон. – Наверное, мы спустились так глубоко под землю, что корни деревьев сюда просто не достают.

– Ага! – беспечно согласился чертенок.

– Тебя не заботит, что мы заблудимся в потемках? – возмутился Каррон.

– Можно подумать, мы знаем, куда идем! Не все ли нам равно, куда приведет тоннель? Даже если мы свернем с прямой дороги, все равно куда-нибудь попадем.

– Ты же говорил, что разведаль путь!

– А разве нет? Кто вывел тебя из пещеры мертвецов? Я думал, что мы попали в лабиринт гномов.

– Это называется – из огня, да в полымя, – недовольно проворчал мальчуган. – Лучше бы ты нашел дорогу на поверхность земли.

– Не нравится – можешь вернуться к мертвецам! – обиделся Кроха. – Кикимора тоже будет рада снова увидеть тебя.

Приятель помолчал, слушая, как потрескивает факел. Первым не выдержал Каррон.

– Ну, прости меня, дружище! Давай не ссориться.

– То-то же! – чертенок улыбнулся во весь рот и весело взмахнул хвостиком. – Хватит отдыхать. Вперед?

– Вперед!

Однако вскоре стало совсем непонятно, идут ли они вперед, или уже куда-то свернули. Факел догорел, и путников окутала кромешная тьма. Чтобы не потеряться, чертенок взгромоздился на плечо Каррона и теперь путешествовал с полным комфортом. Он предоставил мальчугану и право выбора пути, и право набивать шишки, спотыкаться и падать в темноте. Мало того, время от времени обнаглевший Кроха отпускал в адрес Каррона замечания и даже принимался просто поучать его. В конце концов, Каррону это надоело. Он схватил чертенка двумя пальцами за хвост и, приподняв его до уровня своих глаз, прошипел:

– Если ты сейчас же не замолчишь, я сделаю из тебя превосходный светильник. Кажется, я виду твою физиономию даже в этой кромешной тьме. Ну что, щелкнуть пальцами?

Кроха задержался, заюлил, захныкал:

– Не шути со мной так, приятель. Если тебе не хочется, чтобы я развлекал тебя разговорами, я замолчу. Я буду нем, как рыба! Вот слышишь, я уже даже дышу бесшумно.

Воцарилась гнетущая тишина, которую не нарушали даже звуки шагов по мягкой земле. Уже через несколько минут Каррон почувствовал себя совершенно неудобно.

– Хорошо, что мертвецы не погнались за нами. Как ты думаешь, Кроха, почему они оставили нас в покое?

Ответом мальчишке была тишина.

– Может быть, Кикимора утопила всех в болоте, а, Кроха?

Чертенюк молчал.

– А вдруг они встретят нас впереди? – нагнетал страху Каррон, невольно ежась от своих же слов.

Кроха безмолвствовал.

– Да отзовись же, наконец! – Каррон нашупал на своем плече чертенка и дернул его за хвост.

– То – отзовись, то – замолчи! Ты сам-то знаешь, чего хочешь? – обиженно фыркнул рогатый.

– Опять надулся? Не время нам сейчас ссориться. Я ведь и в самом деле боюсь эту нежить.

– Погони не будет, – изрек чертенюк уверенно.

– Но ведь крышку люка мы сожгли! Мертвецы должны были понять, чьих это рук дело.

– Может, они и поняли, да что толку! Эгон, этот младенец их новорожденный, наверняка перекрыл собой все подходы к тоннелю. Видал, как он вымахал с момента рождения? Хотел бы я знать, как он выберется из той пещеры! Не для того же родилось это чудище, чтобы оказаться замурованным под землей!

– Не хотел бы я вновь встретиться с «малышом», – поежился Каррон.

– Ну да, встретить каменную змею гораздо приятнее.

– Какую еще змею? – Каррон не понял, куда клонит чертенюк.

– А ту самую, на которую ты вот-вот наступишь, если немедленно не остановишься.

Каррон замер, не решаясь опустить поднятую ногу.

– Ты разглядел какую-то тварь?

– Я ее услышал. Умолкни!

Мальчуган затаил дыхание и напряг слух. Прямо возле его ног слышалось постукивание. Впечатление было такое, словно сотни небольших камешков разом пришли в движение и покатились в одном направлении, сталкиваясь друг с другом, стуча и шурша.

– Мы пропали! – еле слышно прошептал Кроха, цепенея от страха.

Чертенюк обеими руками вцепился в ухо Каррона и трясся, как осиновый лист на ветру. Но вот хватка его ослабела: шорох стал удаляться.

– Мы спасены! – чуть не закричал в ухо приятелю чертенюк.

– Теперь можно опустить ногу?

– Опускай, опускай и двигай скорее вслед за змеей. Это каменная змея! Она приведет нас к гномам.

Прислушиваясь к шуршанию впереди, Каррон осторожно двинулся вперед. Соблюдать дистанцию было невероятно трудно. Мальчуган напряженно прислушивался, боясь и отстать от каменной змеи, и слишком приблизиться к ней. А тут еще Кроха без умолку нашептывал в ухо:

– Я думал, что каменной змеи на самом деле не существует, что сказки это. А она, выходит, есть! Ты осторожнее, Каррон, не наступи змее на хвост. Я слышал, она такая огромная, что расправится с нами без труда. А еще говорят, что это – самая ядовитая змея на свете.

– И зачем тогда мы идем за ней?

– Как – зачем? Каменная змея – священное животное гномов. По преданиям, она является хранительницей какой-то их святыни. Вот она и выведет нас к подземному народу, а уж гномы – точно лучше мертвецов. Если их не злить, они добрые. Возможно, гномы покажут нам дорогу навверх, к солнышку.

Между тем, в тоннеле стало чуть-чуть светлее. Приглядевшись, можно было определить, где стены переходят в своды тоннеля, но, самое главное, Каррон увидел мелькающую впереди змею. Вернее – хвост змеи: ее голова терялась где-то во мраке. Да, это существо совсем не походило ни на знакомых Каррону ужей, ни даже на однажды виденную им гадюку. Вероятно, змея была огромной, так как даже ее хвост напоминал толстую оглоблю. Наросты на змеиной шкуре походили на камешки разных размеров. При движении именно они стучали и шуршали. Стоило змее остановиться, и ее трудно было бы отличить от каменистой осыпи.

Стены тоннеля теперь были не земляными, а каменными. Видимо, кто-то прорубил дорогу в скальной породе. То тут, то там вспыхивали отдельные кристаллы, изредка на глаза попадались жилы каких-то незнакомых Каррону минералов.

К шуршанию змеиных чешуй прибавились звуки струящейся воды. Влага сочилась из стен, собиралась в ручейки и текла куда-то вслед за каменной змеей.

Только теперь Каррон почувствовал невыносимую жажду. Его язык, казалось, приклеился к сухому небу. Мальчуган подставил руки под стекающие струйки воды, набрал полные пригоршни драгоценной влаги и припал к ней губами. Зубы сразу заломило, так холодна была вода. Каррон пил и не мог напиться. Чертенки тоже радовались возможности не только утолить жажду, но и ополоснуть разгоряченное рыльце.

Когда, наконец, приятели оторвались от воды, каменной змее уже не видно было впереди.

– Не огорчайся, – утешил чертенок приятеля. – Мы и так найдем дорогу. Смотри, впереди становится все светлее.

Каррон обрадовано поспешил к свету. Он так торопился, что почти не смотрел под ноги. Невнимательность оказалась роковой: не пройдя и трех десятков шагов, мальчишка вместе с сидящим на плече чертенком ухнул в полную воды яму. Сюда, в эту яму, стекали ручьи отовсюду. Вода закручивалась воронкой и тянула за собой все, что попадало в водоворот.

– Держись, Кроха! – успел крикнуть Каррон.

В следующее мгновение он оказался под водой и потерял сознание.

Первое, что, очнувшись, ощутил Каррон, был гул падающей с высоты воды. Мальчуган никогда не видел водопадов. Даже порогов на тихой речке возле Меловой пещеры не было. Вот почему он сначала не понял, что так громкоподобно может шуметь вода.

Открыв глаза, Каррон увидел странную картину. Сверху, из дыры в своде огромной пещеры, падал столб воды. Он вздымал стену брызг в самом центре круглого озера, на поверхности которого покачивалась лодка. Именно на дне этой лодки лежал Каррон. На носу углового суденышка дрожал мокрый с головы до ног чертенок.

– Очнулся? – к мальчугану склонилось морщинистое женское лицо.

– Ты кто? – непослушными губами испуганно пролепетал Каррон.

– Точно, очнулся, – удовлетворенно кивнула старуха, не обратив внимания на вопрос мальчишки.

Она сложила губы трубочкой и тихонько свистнула. Тотчас из воды поднялась плоская змеиная голова величиной с хорошую сковородку, посмотрела на старуху немигающими глазами и снова скрылась под водой. Лодку толкнули, и она заскользила по воде. Кроха, скатившийся кубарем на дно лодки, прижался к Каррону мокрым боком и продолжал дрожать. Мальчуган попытался сесть, но старуха недобро взглянула на него – и он остался на месте.

– Вылезайте! – приказала старуха, когда лодка уткнулась носом в берег.

Приятели послушно выбрались на большой плоский камень и огляделись по сторонам. Огромная пещера, на дне которой плескалось озеро, была так велика, что стены ее скрывались во мраке. Падающий с потолка столб воды являлся и источником света. Станный это был свет: мерцающий, но какой-то неживой, без единого яркого солнечного оттенка. Даже свет луны по сравнению с ним казался сверкающим серебром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.